

ШАМИЛЬ И ЧЕЧНЯ (*).

Первыя столкновенія Россіи съ дикими и воинственными обитателями восточной части Кавказскаго края произошли въ царствованіе Іоанна Грознаго, одновременно съ построеніемъ *Терскаго городка*, на р. Терекъ, въ 1569 году. Но въ первое время, всѣ усилія были устремлены на утверженіе русскаго владычества въ Кумыкскихъ и Шамхальскихъ владѣніяхъ, и первоначально имѣли полный успѣхъ. Впослѣдствіи же, когда на основаніи трактата, заключеннаго Россією съ персидскимъ шахомъ Надиромъ, въ 1734 году, пограничною чертою была принята р. Терекъ, — русское правительство обратило особенное вниманіе на устройство пограничной линіи и на обезпеченіе границъ отъ набѣговъ и грабежей воинственныхъ и независимыхъ сосѣдей. Заложенная въ 1736 году кр. Кизляръ, на р. Терекъ, послужила первымъ звѣномъ нынѣшней Кавказской линіи, а поселенные здѣсь козаки, подъ названіемъ *Кизлярскаго войска*, а также размѣщенное въ станицахъ по р. Тереку *Терское семейное войско*, — было основаніемъ нынѣшняго *Кизлярскаго линейнаго козачьяго полка*, получившаго это названіе въ 1833 году. Но еще прежде образованія кизлярскаго войска, въ юго-запад-

(*) Статья эта «Шамилъ и Чечня», написана въ маѣ мѣсяцѣ сего года, имѣетъ интересъ прошлаго и касается собственно бывшаго значенія Шамиля и Чечни, принявшей подданство Россіи. Что же касается послѣднихъ событій, относящихся къ покоренію края отъ Каспійскаго моря до Военно-Грузинской дороги, взятія Гуниба и плѣна Шамиля, отправленнаго въ С.-Петербургъ, то редація не приминетъ ознакомить своихъ читателей въ самомъ непродолжительномъ времени. *Ред.*

ныхъ предѣлахъ Кумыкского владѣнія, въ окрестностяхъ деревни Андреевой (гдѣ нынѣ кр. Внезапная), поселились бѣглые козаки съ Волги и изъ Терскаго городка, которые образовали Гребенское козачье войско, вѣроятно получивъ это названіе отъ гребней горъ, на которыхъ они жили. Гребенскіе козаки были ближайшими сосѣдями Чеченцевъ, съ которыми находились, попеременно, то въ дружественныхъ, то во враждебныхъ отношеніяхъ. Впослѣдствіи времени, тѣснимые Чеченцами и Кумыками, Гребенцы переселились къ устьямъ р. Сунжи и заняли мѣста на правомъ берегу р. Терека, гдѣ оставались до начала прошлаго столѣтія. Петръ Великій, узнавъ, что они служатъ притономъ бѣглецамъ и разбойникамъ, приказалъ переселить ихъ на лѣвый берегъ р. Терека. Но кромѣ Кизлярскаго и Гребенскаго козачьихъ войскъ, въ 1771 году, для связи кр. Моздока со станицами гребенскихъ козаковъ, и для прикрытія этой части границы, были поселены вверхъ по Тереку волжскіе козаки, образовавшіе Моздокское козачье войско.

Такимъ образомъ, посредствомъ устройства упомянутой линіи, были постепенно прикрыты границы Россіи по р. Тереку, къ югу отъ котораго, въ восточной половинѣ обитали Кумыки, издавна пріязненные Русскимъ, и послѣ похода Петра Великаго въ Персію вступившіе въ подданство Россіи,—и Чеченцы, населявшіе пространство между Терекомъ и Андійскимъ хребтомъ. Эти-то Чеченцы, составляющіе предметъ нашей статьи, и были постоянными врагами линіи и самыми безпокойными сосѣдями. Для усмиренія Чеченцевъ, неоднократно были предпринимаемы, еще со временъ Петра Великаго, экспедиціи, изъ которыхъ въ особенности замѣчательны походы донскихъ козаковъ, въ 1718 и 1722 годахъ, на Сунжу и Аргунъ, а также экспедиція 1758 года отряда регулярныхъ войскъ и дѣйствія въ 1770 генерала де-Медема. Но всѣ эти экспедиціи имѣли лишь временное значеніе и большею частію касались ближайшихъ сосѣдей линіи. Весьма естественно, что русская власть прочнѣе утверждалась на плоскостяхъ и равнинахъ, не представлявшихъ выгодныхъ условій для обороны и продолжительнаго, упорнаго сопротивленія. Вотъ почему, чеченское населеніе, жившее по правому берегу Терека и въ долинѣ р. Сунжи, подъ названіемъ Надтеречныхъ и Сунженскихъ Чеченцевъ, признало власть Россіи, платило установленныя подати и исполняло возложенныя на него повинности; ближайшее же къ русскимъ предѣламъ чеченское

населеніе, сознавая всю опасность открытой вражды съ Русскими и цѣня выгоды своего положенія, старались, повидимому, сохранять миръ; они весьма хорошо понимали, что плодородная плоскость, удовлетворявшая ихъ потребностямъ, несмотря на густыя, почти непроходимыя лѣса, ея покрывавшія, въ зимнее время вполне доступна вторженіямъ русскихъ войскъ; они ясно видѣли, что не по силамъ для нихъ бороться съ могущественнымъ сосѣдомъ, а потому опасались открыто нарушать мирныя отношенія, и даже носили названіе *мирныхъ*. Но это отнюдь не мѣшало имъ прорываться чрезъ линію небольшими партіями, грабить транспорты, отгонять скотъ, захватывать плѣнныхъ и проч. и быстро возвратившись во свояси, слагать всю вину происшедшаго на абрековъ и отдаленныя, непокорныя племена и общества. Въ особенности этимъ занимались жители болѣе отдаленныхъ отъ русскихъ границъ ауловъ, привилегированные разбойники — абреки, селившіеся преимущественно въ ущельяхъ Малой Чечни. Они непрерывно производили набѣги на линію, послѣ чего удалялись въ горы, обезпеченыя въ своей безопасности; между тѣмъ, такъ называемые мирные Чеченцы, не только не препятствовали грабежамъ и набѣгамъ своихъ соплеменниковъ, но даже содѣйствовали и покровительствовали имъ, отчасти изъ сочувствія, частію же опасаясь ихъ мести. Что же касается населенія, отдаленнаго отъ русскихъ границъ, то оно не признавало никакой власти, и подъ прикрытіемъ первобытныхъ дѣбрей и лѣсовъ, покрывавшихъ плоскость и отроги горныхъ хребтовъ, смѣло отстаивало свою независимость.

При подобномъ порядкѣ дѣлъ, русское правительство не могло оставаться празднымъ свидѣтелемъ безпорядковъ и грабежей; предприниманіе однихъ только экспедицій было весьма недостаточно, и при томъ, отдаленнѣйшія изъ нихъ были сопряжены съ огромными пожертвованіями и страшными трудностями и препятствіями. Между тѣмъ было необходимо озаботиться о болѣе прочномъ прикрытіи собственныхъ границъ и объ объединеніи покорнаго населенія отъ непокойныхъ дикарей, и объ огражденіи ихъ отъ грабежей и насилій.

Съ этою цѣлію, въ 1817 году, была построена крѣпость Грозная, на рѣкѣ Сунжѣ, а въ 1819 году крѣпость Внезапная, при главномъ Кумыкскомъ селеніи Андреевѣ (Эндрѣ), для прикрытія почти беззащитнаго Кумыкскаго владѣнія. Обѣ эти крѣпости были соединены съ Кавказскою линіею и между собою линіями укрѣп-

леній и постовъ, которые впослѣдствіи времени, вмѣстѣ съ успѣхами русскаго оружія, образовали Сунженскую и передовую Кумыкскую линіи, оцѣпившія Чечню со стороны русскихъ предѣловъ. Кромѣ того, успѣшныя дѣйствія генерала Ермолова въ 1818 году привели большую часть Чечни, повидимому, въ полную покорность, такъ что послѣ этого, только частныя безпорядки и грабежи изрѣдка нарушали наружное спокойствіе.

Но когда мюридизмъ, возникшій въ нѣдрахъ Дагестана, успѣлъ проникнуть въ предѣлы Чечни, дѣла приняли совершенно иной оборотъ.

До сихъ поръ Чеченцы жили совершенно независимыми другъ отъ друга, отдѣльными обществами. Вслѣдствіе всеобщаго равенства, Чеченцы не знали надъ собой никакой угнетающей власти. Русское вліяніе было весьма слабо и касалось лишь крайнихъ предѣловъ Чечни, прилегавшихъ къ русскимъ границамъ. А потому и неудивительно, что у Чеченцевъ не могло явиться общаго единодушія и взаимнаго соглашенія, и если бывали когда либо подобныя явленія, то лишь вслѣдствіе какихъ нибудь случайныхъ обстоятельствъ. Каждое небольшое общество (*токумъ*—дворовъ около 200) управлялось отдѣльно, изъ среды себя, безъ всякаго вмѣшательства сосѣднихъ обществъ. Дѣла, касавшіяся общественныхъ интересовъ, обсуждались и рѣшались на мірскихъ сходкахъ, гдѣ толковали безъ всякаго порядка, и гдѣ имѣлъ голосъ всякій присутствовавшій, что вслѣдствіе дикости нравовъ весьма часто производило безконечныя споры, нерѣдко оканчивавшіеся дракой и даже убійствами. Такимъ образомъ мірскія сходки и судъ по народнымъ обычаямъ (*адату*), составляли единственныя основанія гражданскаго быта Чеченцевъ. Весьма естественно, что при подобныхъ условіяхъ не могло явиться общаго движенія и единодушія, все носило на себѣ характеръ разъединенія, совершеннаго разномыслія и полной неурядицы; не по силамъ было дикарямъ благотворное самоуправленіе.

Со времени же развитія мюридизма въ горахъ Дагестана, отголоски его постепенно начали проникать и въ Чечню. Дѣятельные и фанатическіе мюриды всѣми силами старались привлечь Чеченцевъ на свою сторону; эмиссары имамовъ краснорѣчиво и вдохновенно проповѣдывали казавать. Горная Чечня волновалась, грабежи и набѣги усилились. Абреки, пользуясь благоприятными случаями, предавались полному разгулу и еще болѣе усиливали волненіе и безпорядки.

Между тѣмъ, вслѣдствіе возраставшаго вліянія Шамиля, превозгласившаго себя послѣ смерти Гамзатъ-бека главою мюридизма, русское правительство давно уже помышляло предпринять противъ него рѣшительныя мѣры и нанести ему сильный ударъ. Но стеченіе разнаго рода неблагопріятныхъ обстоятельствъ не позволяло употребить сообразныхъ съ цѣлю средствъ. Шамиль же, въ свою очередь, пользуясь этимъ, всѣми мѣрами раздражалъ легковѣрные умы дикаго населенія, увѣряя народъ, что Россія ничего не можетъ предпринять противъ него и что настало время торжества для исламизма. Въ то же время онъ старался поднять всю Чечню и привлечь ее на свою сторону, въ чемъ отчасти и успѣлъ. Абрекъ Ташавъ-Ходжи, имѣвшій сильное вліяніе на Чеченцевъ, былъ склоненъ на сторону имама и, утвердившись въ Ичкеріи, обѣщалъ предпринять вторженіе въ Кумыкскую плоскость съ значительными силами. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда была предпринята экспедиція генерала Граббе противъ Ташавъ-Ходжи и Шамиля, а главнокомандующій Кавказскимъ корпусомъ генералъ Головинъ выступилъ противъ волнующейся Малой Чечни. Военныя дѣйствія, открытыя русскими войсками, имѣли блестящіе успѣхи: Малая Чечня усмирена и заплатила за свои непріязненные дѣйствія раззореніемъ многихъ ауловъ, Ташавъ-Ходжи разбитъ и изгнанъ изъ Ичкеріи, почти уничтоженный Шамиль заперся въ Ахульго. Достопамятная осада и взятіе Ахульго (*) нанесли рѣшительный ударъ могуществу имама. Онъ потерялъ здѣсь лучшихъ своихъ приверженцевъ, принужденъ былъ выдать заложникомъ старшаго сына Джемаль-Эддина и только съ величайшимъ трудомъ и опасностію успѣлъ избѣжать плѣна, и пробрался съ своимъ семействомъ и нѣсколькими мюридами въ глубь горъ. Кажалось, все было кончено для властолюбиваго имама, но судьба видимо покровительствовала предприимчиваго и энергическаго Шамиля. Едва укрошенные, Чеченцы снова возстали въ зиму съ 1839 на 1840 годъ. Шамиль, зорко слѣдившій за дѣйствіями своихъ эмиссаровъ, узнавъ о всеобщемъ возстаніи Чечни, легко воспользовался благопріятнымъ случаемъ возстановить свое значеніе въ горахъ и поддержать падавшій

(*) См. «Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ». Составлено полковникомъ Милютинимъ. 1850 года; съ картою, планами и чертежами.

юридизмъ, быстро бросился съ небольшимъ числомъ мюридовъ въ Чечню, и разжигая ненависть Чеченцевъ къ Русскимъ, и угрожая имъ местию русскаго правительства, успѣлъ убѣдить жителей переселиться съ плоскости въ глубь горъ. Успѣхъ превзошелъ ожиданія. Отуманенные Чеченцы, напуганные предшествовавшими событіями и испуганные угрозами Шамиля, бросили свои дома и плодородныя поля, и толпами устремились въ горы и ущелья; испытавъ передъ тѣмъ строгость принятыхъ мѣръ, они не надѣялись на прощеніе. Надтеречные и Сунженскіе Чеченцы, ближайшіе сосѣди линіи, признававшіе вполнѣ власть Россіи, еще колебались, но и тѣхъ въ 1840 году, съ 26-го на 27 іюля, Шамиль успѣлъ увести, за исключеніемъ весьма немногихъ, въ горы, въ случаѣ сопротивленія угрожая имъ своею неумолимою местию. Такимъ образомъ, Чечня открыто объявила себя врагомъ Россіи, и признавъ надъ собою власть Шамиля, подпала подъ тяжкое иго юридизма.

Поднявши Чечню противъ Россіи, Шамиль устремилъ всѣ усилія для водворенія въ ней своей безграничной власти. А потому, поселившись въ Ичкеріи, сначала въ аулѣ Дарго, а послѣ раззоренія его въ 1845 году княземъ Воронцовымъ—въ Ведени, Шамиль озаботился объ устройствѣ наивыгоднѣйшей для своего личнаго могущества системы управленія дикими и разьединенными племенами, главнымъ образомъ основавъ ее на феократическихъ началахъ. Но прежде, нежели обратимся къ очерку системы управленія Шамиля, скажемъ вѣсколько словъ о личности замѣчательнаго имама.

Шамиль, третій имамъ юридизма, родился въ селеніи Гимрахъ, Койсубулинскаго общества, въ Нагорномъ Дагестанѣ, и происходилъ отъ бѣднѣйшаго семейства, изъ низшаго сословія народа. По словамъ одного Аварца (*), видѣвшаго Шамиля въ дѣтствѣ, онъ былъ по ремеслу народнымъ плясуномъ, добывавшимъ насущный хлѣбъ умѣньемъ необыкновенно лояко отплясывать лезгинку. Впослѣдствіи, Шамиль приобрѣлъ обычное у

(*) Газета «Кавказъ» 1847 г., «Разсказъ Аварца».

мусульманъ религіозное образованіе, научившись у приходскаго муллы первоначальнымъ основаніямъ религіи и чтенію корана. Обладая блестящими способностями, пронизательнымъ и изворотливымъ умомъ, необыкновенно твердымъ характеромъ и непоколебимою волею, при рѣдкомъ умѣннѣ пользоваться благопріятными обстоятельствами, Шамиль постепенно приобрѣлъ извѣстность и значеніе, и изъ низшаго класса народа успѣлъ возвыситься до степени одного изъ приближенныхъ лицъ перваго имама Кази-Муллы, чему весьма способствовала искусно носимая имъ маска фанатика-мюрида. Говоримъ—маска, потому что извѣстны обстоятельства, сопровождавшія смерть Кази-муллы. Когда имамъ, убѣжденный въ чистотѣ вѣрованій и преданности своего приближеннаго мюрида Шамиля, всегда твердившаго ему о желаніи принести жизнь свою въ жертву исламизма, предложилъ ему, при взятіи селенія Гимръ русскими войсками, исполнить ревностное желаніе, то Шамиль отвѣчалъ ему на это упреками и даже бранью. Мы вовсе не упрекаемъ Шамиля въ томъ, что онъ не пожертвовалъ безъ всякой пользы своею жизнью, но увѣрены, что еслибъ онъ былъ дѣйствительно фанатикъ, то вѣроятно исполнилъ бы предложеніе своего, при этомъ погибшаго вполнѣдствіи, имама. Шамиль хорошо понималъ силу религіознаго фанатизма и вліяніе его на легковѣрные умы дикаго народа, и дѣйствительно воспользовался имъ съ необыкновенною ловкостію.

Въ настоящее время Шамиль имѣетъ около 60-ти лѣтъ и, сколько можно судить по словамъ лицъ, видѣвшихъ имама, отличается стройною и благородною осанкою, и имѣетъ весьма выразительную и умную физиономію. Лицо его блѣдно и покрыто легкими рябинами и веснушками; черты лица весьма пропорціональны и правильны; взглядъ выражаетъ глубокую, внушающую уваженіе задумчивость, спокойствіе и доброту. Онъ часто прищуриваетъ глаза и какъ будто старается проникнуть взглядомъ въ глубину души человѣка, на котораго смотритъ. Шамиль весьма ласковъ со всѣми, но недовѣрчивъ и подозрителенъ; при этомъ онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣетъ скрывать внутреннее волненіе и въ высшей степени владѣетъ собою; даже въ минуты сильнаго гнѣва, лицо его выражаетъ спокойствіе и притворное добродушіе. Шамиль отличается рѣшительнымъ и твердымъ характеромъ, весьма настойчивъ и въ высшей степени властелюбивъ; хотя онъ иногда, въ особенности по не-

обходимости, прибѣгаетъ къ совѣтамъ своихъ приближенныхъ, но это большею частію только для вида, самъ же дѣйствуетъ почти всегда по собственному усмотрѣнію. Впрочемъ, при этомъ онъ весьма остороженъ, осмотрителенъ, а иногда даже медлителенъ; весьма основательно обдумываетъ каждый шагъ свой и каждое предпріятіе, стараясь удостовѣриться, по возможности, въ ихъ непогрѣшительности и предугадать ихъ послѣдствія; разъ же рѣшившись, онъ дѣйствуетъ и стремится къ цѣли безотлагательно, быстро и даже съ дерзкою отвагой. Нѣкоторые упрекаютъ Шамиля въ трусости, но это едва ли справедливо; напротивъ, сколько извѣстно, онъ обладаетъ необыкновеннымъ присутствіемъ духа и рѣдкимъ хладнокровіемъ, что неоднократно доказалъ въ критическія минуты своей жизни. Скорѣе можно сказать, что его дѣйствіями руководятъ благоразумная осторожность и глубокое пониманіе характера подвластныхъ ему народовъ; при этомъ онъ весьма хорошо помнитъ судьбу первыхъ имамовъ, изъ которыхъ одинъ, Кази-мулла, погибъ хотя со славою, но безъ пользы, и котораго Шамиль упрекаетъ въ томъ, что онъ работалъ болѣе руками, чѣмъ головой; въ другомъ же, Гамзатъ-бекъ, онъ видитъ жертву легкомыслія и непростительной безпечности и неосторожности. Кромѣ того, при всемъ сознаніи своей силы и власти, Шамиль очень хорошо понимаетъ шаткость своего положенія. Онъ ясно видитъ, что и самъ отчасти находится подъ надзоромъ приближенныхъ и преданныхъ ему изъ личныхъ интересовъ людей, которые зорко слѣдятъ за поведеніемъ имама; малѣйшій невѣрный шагъ, и по всей вѣроятности гибель Шамиля неизбѣжна. Конечно, простой народъ видѣлъ въ немъ что-то сверхъестественное и вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи сжатъ въ клещахъ мюридизма, трепеталъ его, но и эта вѣра, и этотъ страхъ сильно поколебались въ послѣднее время, несмотря на всевозможныя старанія Шамиля поддержать свое духовное вліяніе развитіемъ въ народѣ религіознаго фанатизма. Для этого онъ нерѣдко прибѣгалъ даже къ шарлатанству, распространяя въ народѣ слухи о своихъ непосредственныхъ связяхъ съ Магометомъ, будто бы являющимся къ нему въ видѣ голубя и другихъ различныхъ видахъ. Суевѣрный народъ, при стараніи духовенства, отчасти вѣритъ этимъ сказкамъ и считаетъ Шамиля даже почти святымъ, такъ что въ Ведени существовалъ обычай клясться именемъ имама; но все это слишкомъ шаткія основанія для привязанности народа, въ чемъ

мы и убѣдились настоящими событіями въ Чечнѣ. Вообще Шамиль старается казаться въ глазахъ народа чрезвычайно религіознымъ и фанатически преданнымъ юридизму. Большую часть дня и даже ночи онъ проводитъ въ молитвѣ и посвящаетъ чтенію священныхъ книгъ; кромѣ того, каждую пятницу, а также и въ другіе установленные исламизмомъ праздники, онъ посѣщаетъ мечеть, что сопровождается особенною церемоніею. Когда Шамиль жилъ въ Ведени, то обыкновенно каждую пятницу назначалъ торжественный *выходъ* въ мечеть. Для этого, въ опредѣленный часъ, отрядъ вооруженныхъ юридовъ, при пѣніи священнаго гимна: *ля-илляхи-иль-Алла* (нѣтъ Бога, кромѣ единого Бога), приближался къ жилищу имама и размѣстившись, въ видѣ шпалеры, по обѣимъ сторонамъ пути отъ дома Шамиля къ мечети, ожидалъ его выхода. Шамиль, одѣвшись съ нѣкоторою пышностію во все бѣлое, зеленое или синее, исключая чалмы, которую онъ всегда дѣлалъ изъ дорогой бѣлой шали, окруженный приближенными лицами и старшинами, и сопровождаемый конвойными юридами, которые предшествуютъ и заключаютъ торжественный выходъ, при пѣніи обычнаго гимна, шелъ въ мечеть. При входѣ Шамиля, народъ, собравшійся въ мечети, встаетъ съ своихъ мѣстъ и молча привѣтствуетъ своего имама. Послѣ этого начиналось богослуженіе, которое совершалъ одинъ изъ старшихъ муллъ, а иногда и самъ Шамиль. По окончаніи же всѣхъ церемоній, отличающихся большими странностями, чуждыми церковныхъ уставовъ настоящаго исламизма, почетные изъ присутствовавшихъ лицъ подходили къ Шамилю съ поздравленіями съ праздникомъ (пятница у магометанъ есть еженедѣльный праздникъ), при чемъ цѣловали ему руки или лицо, смотря по званію поздравляющихъ, на что имамъ отвѣчалъ ласковою улыбкою или пожатіемъ руки. Наконецъ Шамиль подавалъ знакъ къ выходу изъ мечети, который совершался точно въ такомъ же порядкѣ, какъ и шествіе въ мечеть. Въ праздникъ байрама, имамъ лично совершалъ установленные обряды и собственноручно закалывалъ барана, назначеннаго для подаянія бѣднымъ; церемонія эта происходила въ Ведени на вѣншемъ дворѣ жилища Шамиля, при многочисленномъ стеченіи народа, и отличалась всегда страшнымъ истребленіемъ барановъ, назначенныхъ для установленнаго пиршества и раздачи мяса бѣднымъ, а также плѣннымъ. Въ важнѣйшихъ же случаяхъ, требующихъ особенныхъ мѣръ для под-

держанія и усиленія духовнаго вліянія имама, онъ прибѣгалъ къ такъ называемому *хальвату*: уединялся на продолжительный срокъ времени, постился, повидимому, до совершеннаго истощенія, послѣ чего, собравъ отовсюду духовенство, муллъ и кадівъ, объявлялъ имъ, что къ нему являлся самъ Магометъ въ какомъ-нибудь приличномъ обстоятельстве видѣ, и завѣщавъ дѣятельно подвизаться на поприщѣ распространенія шарріата, объявилъ важное откровеніе (конечно, вполнѣ согласное съ видами изобрѣтательнаго имама), или благословилъ на извѣстное предпріятіе. Затѣмъ Шамиль выходилъ къ толпѣ народа, съ нетерпѣніемъ ожидавшей разрѣшенія таинственныхъ дѣяній своего имама, и напрямикъ объявлялъ волю Магомета. Въ крайнихъ же случаяхъ, для бѣльшей силы убѣжденія, выводился на сцену какой-то отшельникъ, что-то въ родѣ дервиша, пользующійся особеннымъ уваженіемъ за свою святую (?) жизнь, который по указанію Шамиля проповѣдовалъ народу о суетѣ мірской, о наслажденіяхъ, ожидающихъ правовѣрныхъ въ раѣ Магомета, о гуріяхъ и прочихъ предметахъ, дѣйствующихъ на чувственность и распалюющихъ фанатизмъ легковѣрнаго народа. Подготовля такимъ образомъ народъ, Шамиль объявлялъ свои намѣренія и при содѣйствіи страха наказаній всегда достигалъ своихъ цѣлей.

Что касается собственно учености Шамиля, какъ духовнаго лица, то мнѣнія относительно этого предмета весьма различны; нѣкоторые утверждаютъ, что онъ далеко не изслѣдовалъ вопросы магометанской религіи, другіе же, напротивъ, полагаютъ, что имамъ весьма силенъ въ книжной мудрости. Но во всякомъ случаѣ, по своему уму и умѣнью дѣйствовать на фанатизмъ народа, необыкновенному искусству краснорѣчиво и своеобразно истолковывать различные религіозные вопросы и ученія корана, необъясняемая другими мусульманскими учеными, — Шамиль успѣлъ приобрести славу ученѣйшаго имама.

Основавъ свою власть на еократическихъ началахъ и примѣнивъ ученіе корана къ личнымъ своимъ взглядамъ и выгодамъ, Шамиль съ рѣдкимъ искусствомъ сумѣлъ ввести и поддержать ученіе шарріата между подвластными ему народами; такъ что въ настоящее время, всѣ основы внутренняго и гражданскаго быта горцевъ представляютъ смѣсь народныхъ обычаевъ (адата), установившихся вѣками и выражающихъ степень народнаго раз-

вѣтїя, и постановленїй шарріата, этого, такъ сказать, кодекса нравственныхъ и гражданскихъ правилъ, кодекса весьма гибкаго и воспрїимчиваго въ рукахъ хитраго и умнаго имама.

Сказавъ о шарріатѣ и его значенїи между горскими народами, считаемъ не лишнимъ упомянуть вкратцѣ объ его происхожденїи и нѣсколько коснуться самаго юридикзма. Извѣстно, что ученїе исламизма состоитъ изъ *шарріата*, *тариката* и *хакията*. Шарріатъ есть рѣчь, ученїе или слова пророка Магомета и заключаетъ въ себѣ правила, которыми слѣдуетъ руководствоваться въ жизни. Исполнители шарріата называются *улемами*, *кадіями*, *муфтіями* и *муллами*; они обязаны проповѣдывать магометанамъ о добродѣтеляхъ, рѣшать возникающіе споры и тяжбы, отклонять взаимныя неудовольствїя и вражду между правовѣрными, судить за противозаконныя поступки и опредѣлять наказанїя за преступленїя; кромѣ того, въ отношенїи богослуженїя и исполненїя религиозныхъ постановленїй, они должны отправлять по пятницамъ и въ опредѣленные праздничные дни установленныя молебствїя, совершать разнаго рода обряды, и проч. Тарикатъ есть поступки пророка и его дѣла, и служитъ какъ бы указанїемъ нравственнаго пути. Исполнители этого ученїя по арабски называются *шейхами*, *софіями*, *юршидами*, а также *арифанъ-биллахъ*, *саликъ*, *юридъ*, а по персидски: *иманами* (имамами) и *пирами*. Они вовсе не должны виѣшиваться въ свѣтскїя дѣла, обязаны день и ночь проводить въ молитвахъ и отличатся восторженною любовью къ Богу, избрать уединенную жизнь, нисколько не заботиться о суетахъ мірскихъ и отнюдь не употреблять оружія. Наконецъ, хакиятъ есть видѣніе (вѣрованїе) пророка или также его качества. Шарріату обязаны повиноваться всѣ безъ исключенїя мусульмане, иначе они не имѣютъ права носить названїе правовѣрныхъ, и въ будущей жизни ихъ ожидаютъ не гурїи и гильманы, а страшныя муки въ неугасаемомъ адскомъ огнѣ. Тарикатъ же есть ученїе для избранныхъ и желающихъ. Если правовѣрный не довольствуется роскошными обѣщанїями райскихъ блаженствъ, и дѣйствїями его руководятъ не страхъ и желанїя, а одно только глубокое убѣжденїе въ величїи Бога, въ ничтожествѣ брэнной оболочки и земной жизни, тогда онъ, приготовившись посредствомъ молитвы и изученїя шарріата, можетъ приступить къ исполненїю великой рѣшимости — отречься отъ міра и посвятить себя созерцанїю

Бога. Для этого онъ долженъ обратиться къ *муршиду* (*), ученому и опытному въ дѣлахъ вѣры наставнику, который ему можетъ сообщить всѣ тайнства и условія для достиженія высшаго нравственнаго совершенства; подобные ученики называются *муридами* (**).

Мюрида, приходящаго къ учителю, говоритъ г. Ханьковъ (***), спрашиваютъ только о знаніи закона и о рѣшимости его отречься отъ грѣховъ, и далѣе онъ возвышается единственно по мѣрѣ развитія его нравственныхъ совершенствъ: слѣдовательно, ни умъ, въ свѣтскомъ значеніи этого слова, ни богатство, ни рожденіе не имѣютъ никакого значенія у послѣдователей тариката, такъ что простолудинъ, очистившій сердце свое постомъ и молитвою, и достигшій послѣднихъ степеней нравственнаго образованія, стоитъ несравненно выше одареннаго всѣми благами вельможи, который, признавъ ихъ ничтожество, прибѣгаетъ къ муршиду съ просьбою о наставленіи въ тарикатѣ. Но еще болѣе важно коренное правило мюридизма—слѣпая привязанность ихъ къ своему учителю, которая должна быть такъ сильна, что мюриды обязаны не только исполнять волю муршида, но даже стараться предупреждать его желанія, прежде, чѣмъ онъ ихъ выскажетъ, угадывая искренно любящимъ сердцемъ самые затаенные помыслы его. Такимъ образомъ, въ основаніи мюридизма лежатъ два важныя правила: одно чисто демократическое, позволяющее людямъ хитрымъ и ловкимъ, и весьма часто руководимымъ единственно лишь своекорыстными видами, возвышаться до важныхъ степеней силы и значенія; другое же, даетъ средство умнымъ и властолюбивымъ муршидамъ руководить массою своихъ учениковъ—муридовъ, направляя ихъ дѣйствія къ достиженію своихъ личныхъ цѣлей и стремленій.

Появленіе мюридизма на Кавказѣ первоначально было связано съ стремленіемъ распространить между дикими и воинственными его обитателями правила шарриата и поддержать искаженный и падавшій исламизмъ. Но весьма естественно, что при мусульманскомъ фанатизмѣ и нетерпимости, мюридизмъ по-

(*) Слово *муршидъ* означаетъ по арабски *пошелъ по дорожку* или *показалъ дорожку*.

(**) Названіе *муридъ* происходитъ отъ арабскаго *захотѣлъ, пожелалъ*.

(***) См. газета «Кавказъ» 1847 года: «О мюридахъ и мюридизмѣ» г. Ханькова.

влекъ за собою *казавать*—священную войну противъ гяуровъ и стремленіе свергнуть власть Россіи, а также уничтоженіе аристократическихъ началъ. Шамиль вполне воспользовался обстоятельствами, и объявивъ себя поборникомъ шарріата и вмѣстѣ съ тѣмъ главою мюридизма — мюршидомъ, или, какъ его называютъ, имамомъ, основалъ на своемъ духовномъ значеніи свѣтскую власть. Достигнувъ полнаго могущества, онъ въ сущности изъ мюршида превратился въ деспота, и стремленіемъ его было уже не нравственное совершенствованіе своихъ мюридовъ и народа, а усилія отстаивать свою самостоятельность отъ владычества Россіи и держать въ слѣпомъ повиновеніи подвластные народы. Мюриды, его ученики и приверженцы, вмѣсто созерцанія величія Бога и пренебреженія къ земнымъ благамъ, послужили главнымъ зерномъ власти имама, его опорой и силою; это не ученики духовнаго наставника, а преданная ему изъ личныхъ интересовъ преторіанская гвардія, его клеветы и шпіоны, паблюдающіе за духомъ и умами народа и членовъ административнаго управленія Шамиля. Народъ же, подвластный Шамилю, есть не болѣе, какъ источникъ его матеріальныхъ средствъ.

Что же касается самаго шарріата, то Шамиль съумѣлъ ловко примѣнить его къ своимъ цѣлямъ, и въ случаѣ надобности безъ церемоніи перетолковывалъ и объяснялъ его статьи и положенія по личному своему усмотрѣнію, не опасаясь критики и цензуры народа. Знающія духовныя лица хотя, можетъ быть, и очень хорошо понимали продѣлки своего наставника и повелителя, но помалчивали и даже поддакивали ему, въ видахъ личныхъ интересовъ или изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ мстительнаго имама. Въ любопытной запискѣ одного ученаго мусульманскаго духовнаго лица, Сулеймана-эфендія (*), находимъ весьма интересныя свѣдѣнія о томъ произволѣ, съ которымъ обращался Шамиль съ шарріатомъ. Сулейманъ-эфендій нѣсколько времени находился при имамѣ, и изучивъ характеръ его дѣйствій какъ духовнаго наставника народа, говоритъ, что Шамиль-эфендій весьма часто поступаетъ противъ священнаго шарріата и намѣренно искажаетъ его на свой ладъ, при чемъ не терпитъ никакихъ противорѣчій и опроверженій со стороны сво-

(*) См. «Описаніе поступковъ Шамиля, противныхъ мусульманскому шарріату» и пр. Переводъ съ арабскаго. Газета «Кавказъ» 1847 г.

его духовенства. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что Шамиль вообще весьма мало наблюдаетъ за исполненіемъ народомъ настоящихъ религіозныхъ постановленій шарріата, между тѣмъ въ коранѣ сказано, что: *всякій пастырь долженъ отвѣчать за свое стадо*. Въ то же время, выдавая себя за послѣдователя тариката, нарушаетъ главное постановленіе его *не сопровождать свои дѣйствія силою оружія*. Кромѣ того, безъ всякаго суда, основанія и изслѣдованія истины, а только вѣря клеветѣ, приказываетъ своимъ палачамъ лишать жизни мусульманъ, обвиняемыхъ въ мнимыхъ преступленіяхъ; при чемъ главную роль играетъ желаніе внушить страхъ другимъ, и тѣмъ упрочить свѣтскую власть свою. Между тѣмъ, въ коранѣ сказано: *если кто нибудь съ умысломъ убьетъ кого либо изъ правовѣрныхъ невинно, то его ожидаетъ вѣчное адское мученіе*. Также, въ случаѣ бѣгства преступника, имамъ подвергаетъ взысканію и наказанію оставшихся родственниковъ его, что противно шарріату, потому что въ коранѣ сказано: *никто не отвѣчаетъ за вину другаго*. Въ случаѣ же смерти кого либо изъ поставленныхъ Шамилемъ наибовъ, имамъ конфискуетъ въ пользу своей казны имущество покойнаго и тѣмъ лишаетъ оставшееся семейство средствъ къ содержанію, между тѣмъ въ коранѣ сказано: *не похищайте и не присваивайте себѣ сиротскихъ имуществъ, потому что похитителя оныхъ ожидаетъ огнь и вѣчная мука*. Въ наказаніе за изъявленіе покорности и повиновенія Русскимъ, Шамиль нападаетъ на мусульманъ, умерщвляетъ мужчинъ, беретъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, грабитъ жилища и имущества правовѣрныхъ; коранъ запрещаетъ лишать жизни мусульманина и отнимать у него имущество: *не похищайте другъ у друга собственности по преступнымъ страстямъ своимъ*, сказано въ коранѣ, и кромѣ того пророкъ сказалъ; *кто произнесетъ ля-илляхи-иль-Алла, тотъ есть правовѣрный, кровь и собственность его неприкосновенны; только единый Богъ будетъ судить его въ дѣяніяхъ*. Кромѣ всего приведеннаго, ученый мусульманинъ упрекаетъ Шамиля въ своекорыстныхъ видахъ, съ которыми онъ предпринимаетъ различныя враждебныя дѣйствія. Въ первыя времена, говоритъ онъ, Шамиль дѣйствовалъ проповѣдями и наставленіями, а теперь угрозами и внушеніемъ страха; и успѣвъ подчинить себѣ дикія племена, вооружаетъ ихъ противъ Русскихъ, несмотря на данныя ими клятвы въ покорности, и тѣмъ подвергаетъ ихъ всѣмъ бѣдствіямъ войны; между тѣмъ въ коранѣ сказано: *не нарушайте*

своихъ клятвъ и обѣтовъ, однажды вами данныхъ ()*, а также: *не подвержайте себя собственными руками опасности и гибели.*

Изъ этихъ немногихъ свѣдѣній можно видѣть, что Шамиль далеко не придерживается ученію настоящаго шарріата. Да оно иначе и быть не можетъ: Шамиль, по преимуществу, есть свѣтскій властитель, а не духовный наставникъ, и очень хорошо понимаетъ мѣры, необходимыя для обузданія непривыкшаго къ власти народа и для утвержденія своего личнаго могущества. Но съ другой стороны и народъ начинаетъ разгадывать своего имама. Чеченцы доказали уже желаніе избавиться отъ опеки мюридизма; вѣроятно ихъ примѣру послѣдуютъ и Лезгины.

Достигнувъ власти и основавъ ее на бюрократическихъ началахъ, Шамиль первоначально всѣми мѣрами старался привлечь на свою сторону простой народъ, чтобы легче достигнуть полнаго и неограниченнаго владычества. Окруживъ себя бѣдными и простыми горцами, испытанной преданности, Шамиль весьма хорошо понималъ, что подобнымъ лицамъ нечего терять, и что, облагодѣтельствовавши ихъ и выведя изъ толпы, онъ пріобрѣтаетъ въ нихъ сильную опору, такъ что большая часть его наивовъ и мюридовъ происходятъ изъ нисшаго класса народа. Такимъ образомъ, путемъ демократическимъ, Шамиль постепенно захватилъ въ свои руки безграничную власть деспота, и подчинивъ всю страну преданнымъ себѣ наивамъ, онъ въ то же время зорко смотрѣлъ за ихъ поведеніемъ и вѣрностію посредствомъ шпионовъ и многочисленныхъ мюридовъ, разсѣянныхъ въ различныхъ частяхъ подвластнаго ему края. При малѣйшемъ подозрѣніи въ возникавшей силѣ и значеніи наива, или сомнительности въ его преданности, Шамиль тотчасъ же искалъ случая, что называется, придратъ къ нему. Случай всегда былъ готовъ, и притомъ самый выгодный и удобный для имама, въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ. Всѣ наивы были страшными грабителями вѣранныхъ имъ населеній, почему успѣвали наживать весьма значительныя состоянія. Что можетъ быть лучше придирки: наивъ осуждается за несправедливость, притѣсненія и грабительство подчиненныхъ; его казнятъ, награбленное имуще-

(*) Когда Шамиль, во время веденской экспедиціи, требовалъ отъ подвластныхъ ему чеченскихъ обществъ присяги на вѣрность, то Чеченцы отвѣчали, что они присягнутъ, но что и Шатоевцы (одно изъ чеченскихъ племенъ, изъявившихъ покорность Россіи въ 1858 г.) присягали Шамилю, но это не помѣшало имъ изъяснить покорность Россіи.

ство поступаетъ въ казну безкорыстнаго имама, а народъ ликуетъ и восхваляетъ безпристрастіе и заботливость Шамиля, и вмѣстѣ съ тѣмъ трепещетъ предъ его правосудіемъ. Вообще внушеніе страха наказаній и опасеніе внезапной гибели, играютъ весьма важную роль въ духѣ управленія Шамиля. Малѣйшее неповиновеніе, возникающее въ какой либо части подвластнаго ему края, наказывается съ непомѣрною жестокостію; при этомъ Шамиль дѣйствуетъ съ большимъ разчетомъ, посылая для наказанія возмутившихся обществъ или ауловъ, преданныхъ себѣ юридовъ или враждебныхъ возмутившимся племена и общества, которыя, въ надеждѣ на добычу или въ видахъ удовлетворенія мести, усердно исполняютъ волю имама и страшно неистовствуютъ надъ провинившимися.

Администрація Шамиля, при всей ея простотѣ, представляетъ большую обдуманность и служитъ доказательствомъ стремленія Шамиля къ прочному водворенію своей власти. Для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ, относящихся къ главному управленію страной, Шамиль учредилъ въ 1841 году *верховный совѣтъ* (диванъ-ханъ), состоящій изъ лицъ, пользующихся его довѣренностью, изъ заслуженныхъ наибовъ и старшихъ лицъ духовнаго званія. Кромѣ того, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, требующихъ особенно внимательнаго обсужденія и тѣсно связанныхъ съ общими интересами страны, Шамиль сзываетъ собранія, куда приглашаются, кромѣ упомянутыхъ лицъ, разнаго рода депутаты отъ народа; но это дѣлается большею частью только для вида, потому что имамъ почти всегда дѣйствуетъ самостоятельно и произвольно, или успѣваетъ склонить на свою сторону лица, не вполне согласныя съ его мнѣніями, при чемъ играютъ роль и сила убѣжденій умнаго имама, а также и страхъ, при случаѣ полатиться за свое противорѣчіе (*).

Впрочемъ, бываютъ случаи, что Шамиль, несмотря на стремленіе дѣйствовать съ настойчивостію, бываетъ принужденъ соображаться съ желаніями окружающихъ его и народа. Онъ хорошо понимаетъ, что отчасти находится самъ подъ опекою

(*). Изъ приближенныхъ совѣтниковъ Шамиля замѣчательны: сынъ его *Казы-Магома*, *Даніель-султанъ*, *Кёръ-Эфендій Казы-Кумькскій*, полуслѣпой старикъ и неразлучный спутникъ имама, *Джемаль-Эддинъ*, мулла, тесть Шамиля, пользующійся особеннымъ уваженіемъ народа и другіе.

юридовъ, и что имѣеть противъ себя много враговъ и мстителей, а потому случается, что осторожный имамъ внимательно прислушивается къ народному говору, въ особенности къ мнѣніямъ лицъ вліятельныхъ и пользующихся особенною любовью народа, и сообразуется съ ними въ своихъ дѣйствіяхъ.

Въ опредѣленные дни (субботу, воскресенье и понедѣльникъ) Шамиль творить судъ и расправу: разбираетъ спорныя дѣла, выслушиваетъ свидѣтелей и соображаетъ свои приговоры съ статьями шарріата. Лица, подвергающіяся суду имама, молча выслушиваютъ безъапелляціонные приговоры его, которые, впрочемъ, несмотря на строгость Шамиля, иногда не приводятся въ исполненіе, при малѣйшей возможности скрыть отъ него послѣдствія; и здѣсь—то играютъ огромную роль взятки и подкупы, неизбежные спутники деспотическаго образа правленія.

Для привлеченія къ себѣ людей полезныхъ и для наказанія строптивыхъ и непокорныхъ, а также разнаго рода преступниковъ, Шамиль установилъ различныя награды и наказанія, которыми распоряжается по собственному усмотрѣнію. Людей особенно преданныхъ ему, отличающихся умомъ, храбростью, военными способностями и приверженностью къ юридизму, Шамиль назначаетъ набамы, возводя ихъ на высшую степень гражданской и военной власти; кромѣ того, жалуетъ различными чинами и орденами. Къ числу чиновъ принадлежатъ пятисотники, сотники, десятники и пр. Ордена же установлены различныхъ степеней (*). Сверхъ этого, Шамиль награждаетъ отличившихся разнаго рода подарками: почетнымъ оружіемъ, платьемъ, лошадьми, баранами, деньгами и пр.

Наказаніями же служатъ: лишеніе почетнаго званія, изгнаніе изъ аула, денежныя пени, лишеніе свободы на различные сроки,

(*) Ордена, установленные Шамилемъ, сдѣланы изъ серебра и украшены чернью и различными надписями; они имѣють форму треугольника съ усѣченными углами, или круга въ видѣ выпуклой пуговицы, или изображаютъ полумѣсяцъ съ помѣщенною надъ нимъ саблею и проч. На орденахъ дѣлаются надписи изъ корана, или прописываются имя и подвиги награжденнаго. Серебряныя званы, найденныя въ саклѣ набыа Дубы (въ 1847 г.) и полученныя имъ за военные подвиги, отличаются слѣдующими надписями: на одномъ написано — *«Имамъ Шамиль этого храбраго набыа награждаетъ первокласснымъ орденомъ и молитъ Бога, да поможетъ онъ ему идти по истинному пути»*. А на другомъ — *«Это герой ислусный въ войнѣ и бросающійся на непріятеля какъ левъ»*.

съ заключеніемъ въ ямы (*), причеиъ отпускается весьма скудная пища, тѣлесное наказаніе и наконецъ смертная казнь (**). Смертная казнь положена: за измѣну и побѣгъ къ неприятелю, за шпионство и сношенія съ Русскими, и за открытое неповиновеніе; кромѣ того, за убійства по случаю кровомщенія, запрещеннаго имамамъ, за обольщеніе женщинъ и пр.

Въ отношеніи же правительственныхъ распоряженій Шамиля, главныя усилія его обращены на устройство финансовыхъ и военныхъ средствъ.

Финансовыя средства, подъ именемъ *шарріатской* или *общественной казны*, образуются изъ постоянныхъ и случайныхъ доходовъ, и состоятъ изъ денежныхъ средствъ и изъ разнаго рода хлѣбныхъ и другихъ запасовъ.

Одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ доходовъ, установленныхъ еще Кази-муллою, есть *хамусъ* — пятая часть со всей добычи, достаемой въ разнаго рода случаяхъ и въ частныхъ набѣгахъ партій; сюда же относятся деньги, вырученныя отъ выкупа плѣнныхъ, которыя иногда составляютъ весьма значительныя для горцевъ суммы (***) . Кромѣ того, источниками доходовъ служатъ:

Разнаго рода штрафы и денежные пени за проступки виновныхъ и взимаемыя съ ихъ отвѣтчиковъ. Послѣднее установлено Шамилемъ, который, раздѣливъ мужское населеніе на десятки, въ родѣ артелей, постановилъ: чтобы каждая артель отвѣчала

(*) Ямы замѣняютъ у горцевъ тюрьмы; онѣ обыкновенно довольно глубоки и сверху накрыты накатникомъ, въ которомъ дѣлается отверстіе. Ямы отличаются чрезвычайною нечистотою, духотою и тѣснотою. Въ подобныя тюрьмы, обыкновенно, заключаютъ плѣнныхъ, большая часть которыхъ гибнетъ отъ болѣзней и жестокости дикарей.

(**) Смертная казнь допускается шарріатомъ только въ крайнихъ случаяхъ, какъ исключеніе; между тѣмъ Шамиль употребляетъ ее довольно часто. Большею частію она состоитъ въ отсѣченіи головы, для чего употребляется особенная сѣкира, которую, какъ символъ власти имама, возятъ за нимъ почти повсюду. Исполнителями казни бываютъ мюриды, которые весьма охотно берутъ на себя роль палача, получая за это право собственности на одежду казеннаго преступника.

(***) Обыкновенно добыча, захваченная какою либо партіею, раздѣляется слѣдующимъ образомъ: пятая часть ея посупаеть въ казну, значительная часть дается предводителю партіи, а остальное дѣлится на равныя части по числу участвовавшихъ лицъ, которыя получаютъ ихъ или натурою, или, по оцѣнкѣ, деньгами.

за проступокъ своего члена и была обязана слѣдить другъ за другомъ. Такъ что, кромя отвѣтственности виновнаго, а также въ случаѣ его бѣгства, съ десятка, къ которому онъ принадлежалъ, взыскивается положенный штрафъ, который и поступаетъ въ общественную казну. Мѣра эта доставляетъ Шамилю денежные средства и вмѣстѣ съ тѣмъ ручается въ наблюденіи жителей другъ за другомъ и въ взаимномъ шпіонствѣ, что чрезвычайно вредно дѣйствуетъ въ нравственномъ отношеніи и нарушаетъ общественное довѣріе. Имущество послѣ казненныхъ, бѣжавшихъ, а также умершихъ лицъ высшихъ званій, поступаетъ въ общественную казну. Наконецъ, одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ доходовъ составляетъ *десятина* (закать), съ доходовъ имѣній частныхъ лицъ и съ хлѣбныхъ произведеній. Послѣдній доходъ служитъ для образованія хлѣбныхъ запасовъ на случай общественныхъ и военныхъ потребностей. Денежные сборы поступаютъ въ особую казну, находящуюся при домѣ Шамиля и которою завѣдуетъ особенный казначей; всѣ расходы производятся имамомъ съ чрезвычайною акуратностью и бережливостью, при чемъ онъ для вида даетъ отчетъ своему избранному совѣту въ израсходованныхъ суммахъ. Хлѣбные же запасы хранятся въ наибствахъ и служатъ для раздачи мулламъ, вдовамъ и семействамъ убитыхъ на войнѣ, бѣднымъ, калѣкамъ и проч.

Что же касается военной системы, то хотя Шамиль и установилъ у себя въ этомъ отношеніи нѣкоторую правильность и придалъ ей болѣе опредѣленный характеръ, но въ основаніи она представляетъ поголовное вооруженіе всего населенія. Народы, признающіе власть Шамиля, составляютъ военное сословіе, обязанное нести военную службу, но не въ видѣ набора для постоянного войска, хотя такое и существуетъ у Шамиля, а въ видѣ частныхъ или общихъ ополченій, которыя сзываются смотря по требованію обстоятельствъ. Сообразно съ предположеніями имама, сборъ ополченій назначается въ извѣстныхъ наибствахъ, при чемъ опредѣляются сборные пункты и прочія необходимыя условія. Каждое семейство обязано выставить одного вооруженнаго коннаго или пѣшаго воина, снабдивъ его провіантомъ на опредѣленное число дней; при этомъ каждый долженъ имѣть свое оружіе, состоящее изъ винтовки, пистолета, пашки или кинжала. Шамиль въ особенности заботится объ образованіи кавалеріи, способной къ быстрымъ передвиженіямъ

и дѣйствию въ бою, какъ въ конномъ, такъ и въ пѣшемъ строѣ. Кромѣ того, онъ имѣетъ весьма порядочную артиллерію, сформированную на образецъ нашей козачьей артиллеріи. Порохъ же готовится въ нѣкоторыхъ аулахъ Нагорнаго Дагестана, жители которыхъ исключительно занимаются этимъ предметомъ, и избавлены отъ всѣхъ другихъ повинностей (*).

Обыкновенно, въ случаѣ надобности, Шамиль разсылаетъ своихъ мюридовъ съ письменными (**) или словесными приказаніями къ наибамъ собирать войска. По полученіи повелѣній имама, всѣмъ объявляется его воля, при чемъ назначается пунктъ сбора и время выступленія въ походъ, и напомнимся, что ослушники приказанія будутъ строго наказаны (***). Собранные войны раздѣляются на десятки, сотни, пятисотни и состоятъ въ вѣдѣніи набовъ и другихъ воинскихъ начальниковъ. Въ случаѣ продолжительныхъ походовъ, войска продовольствуются на счетъ жителей, что чрезвычайно обременительно для бѣдныхъ горцевъ, едва имѣющихъ средства для личнаго пропитанія; по этой причинѣ, большая часть значительныхъ предпріятій совершаются осенью, когда хлѣбные запасы еще довольно обильны.

Главнымъ же ядромъ военной силы Шамиля, его охранною стражею, надежнымъ резервомъ и слѣпымъ орудіемъ его воли — служатъ мюриды. Мы уже упомянули выше о значеніи и происхожденіи мюридовъ вообще, теперь скажемъ нѣсколько словъ о Шамилевскихъ мюридахъ. Мюриды избираются изъ лицъ испытанной преданности имаму, ревностныхъ его поборниковъ и извѣстныхъ по своей храбрости. Первоначально число мюридовъ было весьма ограниченное, но впоследствии оно возрасло до значительной цифры. Большая часть мюридовъ изъ Тавлицевъ, потому что они пользуются особенною довѣренностью имама. Мюриды образуютъ личную охранную стражу Шамиля, содержащую при немъ постоянный караулъ и сопровождающую

(*) Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что предметы, входящіе въ составъ пороха, а также металлы и соль, считаются общественною собственностью.

(**) Всѣ письменныя приказанія Шамиля пишутся на небольшихъ кусочкахъ бумаги, къ которымъ прикладывается печать имама.

(***) За неявку на службу виновныхъ заключаютъ въ ямы, а иногда подвергаютъ тѣлесному наказанію и разнаго рода штрафамъ; нерѣдко случалось, что у ослушниковъ сжигали сакли.

его во всѣхъ поѣздкахъ по его владѣніямъ и въ походахъ (*). Во время военныхъ дѣйствій они служатъ для передачи приказаній и распоряженій Шамиля, образуютъ надежнѣйшіе резервы, и кромѣ того, будучи распределены по отрядамъ войскъ, возбуждаютъ ихъ къ энергическимъ дѣйствіямъ и слѣдятъ за ихъ стойкостію. Независимо отъ отряда мюридовъ, состоящаго при Шамилѣ, мюриды находятся при каждомъ наибѣ, служа для нихъ опорой власти, исполнителями ихъ распоряженій и приказаній Шамиля, а также для наблюденія за поведеніемъ наиба и вѣрннаго ему населенія. Мюриды содержатся на счетъ общественныхъ суммъ и кромѣ того получаютъ отъ Шамиля разнаго рода подарки. Въ Ведени они жили особою слободкою, возлѣ жилища имама, и пользовались многими льготами.

Административное устройство Чечни въ главныхъ чертахъ состояло въ слѣдующемъ. Независимо отъ раздѣленія страны на общества, вся Чечня была раздѣлена Шамилемъ на особые округа, называвшіеся *наибствами*. Каждый наибствомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ ауловъ, круглымъ числомъ около 1,000 дворовъ, управлялъ *наибъ*. Наибы назначались самимъ Шамилемъ и избирались изъ лицъ испытанной преданности имаму. Наибъ былъ полновластный хозяинъ и распорядитель въ вѣрнномъ ему наибствѣ, конечно въ свою очередь въ полной зависимости отъ Шамиля. Наибы имѣли въ рукахъ власть судебную и исполнительную, при чемъ руководствовались инструкціями имама, а гдѣ возможно, и собственнымъ произволомъ. Наибы были обязаны приводить въ исполненіе всѣ распоряженія Шамиля и непосредственно сноситься съ нимъ въ дѣлахъ управленія; кромѣ того, на обязанности ихъ лежали защита и охраненіе наибства отъ русскихъ войскъ, сборъ ополченій и начальство надъ ними, собраніе установленныхъ налоговъ и наблюденіе за точнымъ исполненіемъ шарріата; наибы творили судъ и расправу, разбирали и рѣшали спорныя дѣла и жалобы о воров-

(*) Во всѣхъ поѣздкахъ Шамиля его сопровождаетъ обыкновенно около 200 избранныхъ мюридовъ. Всѣ они отличаются особою одеждою, хорошимъ вооруженіемъ и принадлежатъ къ числу отличныхъ наѣзтниковъ. Они имѣютъ особый значекъ, и кромѣ того носятъ съ собою знамя имама, чернаго цвѣта съ серебрянными надписями изъ Корана и съ изображеніемъ погумѣяца. Одна часть конвойныхъ мюридовъ ѣдетъ впереди Шамиля, другая сзади, по очередно напѣвая обычное: «*Алла-иллахи-иль-Алла!*»

ствѣ, порубки лѣсовъ, потравѣ пастбищныхъ мѣстъ, слѣдили за поведеніемъ вѣррнаго имъ населенія и проч.

Сверхъ этого, на обязанности наибовъ лежала забота о заключеніи наивозможно большаго числа браковъ между жителями вѣрренныхъ наибствъ (*). Мѣра эта, принятая Шамилемъ по случаю значительнаго уменьшенія народонаселенія, вслѣдствіе истребительныхъ войнъ, носила на себѣ характеръ чисто вынудительный, и состояла въ томъ, чтобы каждая дѣвушка въ извѣстное время года, по достиженіи совершеннолѣтія, должна была избирать себѣ жениха и выходить замужъ; въ противномъ случаѣ, ослушницамъ угрожало заключеніе въ яму, при чемъ допытывались, кого онѣ любятъ. Въ случаѣ согласія названныхъ лицъ заключались браки, въ противномъ же случаѣ отыскивали другихъ жениховъ. Этимъ насильственнымъ способомъ въ послѣднее время было совершено значительное число браковъ.

При наибахъ, какъ уже было упомянуто, состояли отряды мюридовъ, которые содержались на счетъ жителей наибствъ, и кромѣ того, въ наибствахъ, соприкосновенныхъ съ русскими границами, въ видахъ охранительныхъ, были устроены особые наблюдательные и опорные посты, подъ названіемъ воротъ (гапа), и наибы имѣли у себя артиллерію, на случай военныхъ дѣйствій.

Большая часть наибовъ были страшными грабителями вѣрренныхъ имъ наибствъ, угнетали и разоряли народъ, на что Шамиль, до случая, смотрѣлъ сквозь пальцы. Хотя для дѣлъ судебныхъ, при наибахъ состояли кади (кази—судья), которые были обязаны истолковывать статьи шарріата, но они не имѣли никакого значенія (*). Наибы, подражая своему имаму, гдѣ только было возможно, дѣйствовали по личному своему усмотрѣнію, надѣясь, что не всякая жалоба дойдетъ до Шамиля, а въ случаѣ и дойдетъ, то можно будетъ какъ нибудь вывернуться изъ бѣды. И дѣйствительно, лица, обиженные наибами и прибѣгавшія къ имаму съ жалобами, въ большей части случаевъ получали одни лишь неисполнявшіяся обѣщанія, а потому за лучшее считалось или прибѣгать ко взяткамъ и подкупамъ, или въ случаѣ крайности, перебѣгать въ другія наибства, или къ Русскимъ. Но и при этомъ наибы не были въ проигрышѣ,—они забирали землю

(*) «Нѣчто о Чечнѣ» и пр. г. *Клинера*. Газета «Кавказъ» 1856 г. № 97.

и имущества бѣжавшихъ въ свою пользу, да кромѣ того еще прижимали оставшихся родственниковъ бѣжавшаго.

Низшую административную инстанцію составляли старшины, которыхъ въ большихъ аулахъ считается по нѣскольکو. Они обязаны были заботиться о приведеніи и исполненіи разнаго рода приказаній имама и набовъ, а также разбирать мелкія ссоры между жителями, руководствуясь обычаями и склоняя ихъ къ примиренію.

Кади и старшины избирались народомъ, но по представленію набовъ, утверждались въ своихъ должностяхъ Шамилемъ.

Кромѣ того, какъ уже было выше упомянуто, все населеніе мужескаго пола раздѣлялось на десятки, члены которыхъ были обязаны взаимно наблюдать за поведеніемъ другъ друга и въ случаѣ чего либо подозрительнаго тотчасъ же доносить наibu.

Наконецъ, въ чеченскихъ аулахъ были поселены семейства преданныхъ Шамилю Тавлинцевъ, которые также обязаны были слѣдить за поведеніемъ мѣстнаго поселенія.

Изъ всего вышеприведеннаго, при всей краткости и отрывочности свѣдѣній, за неизбѣннѣе болѣе обстоятельныхъ и полныхъ, можно заключить, что Шамиль весьма хитро придумалъ систему своего управленія населеніемъ дикимъ и непривыкшимъ къ повиновенію. Дѣйствуя на умы жителей своимъ религіознымъ вліяніемъ, онъ въ тоже время установилъ систему всеобщаго шпионства, взаимнаго наблюденія подъ страхомъ казней и истязаній. Но послѣднія событія въ Чечнѣ показали, какъ непроченъ подобный образъ правленія, и какъ много ненависти накинѣло въ сердцахъ истерзанныхъ и раззоренныхъ Чеченцевъ, можно заключить изъ всеобщей рѣзни и уничтоженія всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ юридиксу, рѣзни, предшествовавшей изъявленію Чеченцами покорности русскому правительству.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о домашней жизни Шамиля и о главныхъ лицахъ его семейства, и потомъ перейдемъ къ очерку Чечни и Чеченцевъ.

Шамиль ведетъ весьма скромную, воздержную и уединенную жизнь. Все свободное отъ дѣлъ по управленію время, онъ посвящаетъ чтенію священныхъ книгъ, молитвѣ и семейнымъ наслажденіямъ.

(*) Кади не получали никакого опредѣленнаго содержанія, а жили на счетъ жителей, которые были обязаны безвозмездно вспахивать отведенныя имъ поля, засѣвать и убирать хлѣбъ, косить сѣно, доставлять дрова и пр.

Сколько извѣстно, онъ начинаетъ свой день въ 6 часовъ и большую часть утра посвящаетъ разнаго рода занятіямъ по управленію; обѣдаетъ въ часъ по полудни, при чемъ отличается воздержностію. Послѣобѣденное время посвящаетъ чтенію священныхъ книгъ, перепискѣ съ набимами и бѣседѣ съ приближенными лицами; иногда же, особый довѣренный переводчикъ (изъ Русскихъ) читаетъ ему газеты: «Кавказъ» и «Русскій Инвалидъ», которые Шамиль достаетъ посредствомъ своихъ дѣятельныхъ лазутчиковъ, какъ равно и всѣ прочія, необходимыя для него свѣдѣнія. Въ 9 часовъ имамъ ужинаетъ, и въ 11—ложится спать.

Шамиль ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ не допускаетъ никакихъ излишествъ и роскоши. Дома онъ обыкновенно ходитъ въ поношенномъ бешметѣ, а зимою въ тавлинской шубѣ, и отличается отъ окружающихъ красивою бѣлою чалмою, а иногда же носить турецкую феску съ длинною кистью. Въ официальныхъ же случаяхъ, имамъ одѣвается въ черкеску тонкаго сукна и атласный бешметъ, поверхъ которыхъ и набрасываетъ родъ мантии, похожей на священническую рясу.

Въ отношеніи семейнаго быта, Шамиль не отличается особенною нѣжностію, хотя характеръ его, сколько извѣстно, значительно смягчился сравнительно съ прежнимъ. Шамиль имѣетъ трехъ женъ (*), съ которыми обращается довольно внимательно и ласково. По всей вѣроятности, благотѣльное вліяніе на смягченіе характера суроваго имама имѣла одна изъ женъ его, по имени *Шуанетъ*, моздокская Армянка, взятая Шамилемъ въ плѣнъ еще въ 1840 году, и которая пользуется особеннымъ расположеніемъ своего повелителя. Старшею же женою считается *Зайдетъ*, дочь всѣми уважаемаго муллы Джемаль-Эддина. Наконецъ третья жена его—*Аминетъ*, молодая и хорошенькая Кистинка (изъ чеченскаго племени Кисти).

По слухамъ, святой имамъ, въ ожиданіи будущихъ наслажденій съ гуріями въ раѣ Магомета,—весьма неравнодушенъ къ красивой горянкѣ, которая нерѣдко подшучиваетъ надъ страшнымъ своимъ повелителемъ и подъ часъ возбуждаетъ въ немъ ревнивую и пылкую страсть. У Шамиля два сына и нѣсколько дочерей; сыновья и двѣ старшія дочери отъ покойной жены его, а остальные дѣти отъ двухъ старшихъ женъ. Весьма можетъ

(*) См. «Плѣнъ у Шамиля» и пр. (1854—55 г.)

быть, что въ настоящее время семейство Шамиля нѣсколько увеличилось.

Старшій сынъ Шамиля, Джемаль-Эддинъ, умеръ въ прошломъ году. Онъ былъ отданъ Русскимъ во время осады Ахульго въ 1839 году, въ видѣ аманата, воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, былъ произведенъ, если не ошибаемся, въ 1850 г. въ офицеры, въ одинъ изъ уланскихъ полковъ, и потомъ въ 1854 г., при выкупѣ изъ плѣна семействъ князей Чавчавадзе и Орбелиани, былъ возвращенъ отцу. Возвратясь къ отцу, Джемаль-Эддинъ, весьма естественно, попалъ въ совершенно новую для себя сферу, послѣ 15 лѣтняго пребыванія въ Россіи. Хотя вскорѣ послѣ его прибытія, Шамиль женилъ его на дочери наиба Талгика, но это нисколько не сблизило обрушѣвшаго Джемаль-Эддина съ его соплеменниками. Между тѣмъ, не смотря на расположеніе къ нему народа, который полюбилъ его за доброе обхожденіе, подозрительные наибы и приближенные Шамиля старались уронить его въ глазахъ отца. Все это, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, имѣло гибельныя послѣдствія; Джемаль-Эддинъ впалъ въ тоску и заболѣлъ легочною чахоткою, и когда русскій докторъ, г. Піотровскій (*), приглашенный Шамилемъ, посѣтилъ его старшаго сына, жившаго въ Андін, въ аулѣ Зуль-Кадн, то онъ былъ уже на краю могилы. Вскорѣ послѣ того Джемаль-Эддинъ умеръ.

Второй сынъ Шамиля и объявленный наслѣдникъ его власти (**), *Кази-Магома* (Кази-Махматъ или Гази-Магометъ) имѣетъ въ настоящее время около 25 лѣтъ и служитъ дѣятельнымъ помощникомъ своего отца, въ особенности въ военныхъ дѣлахъ. До сихъ поръ, Кази-Магома управлялъ 7-ю наибствами въ Дагестанѣ и жилъ въ Каратаѣ (Карату). Кази-Магома высокаго роста, весьма строенъ и ловокъ; онъ имѣетъ крупныя и рѣзкія черты лица, бѣлокуръ и нѣсколько рябоватъ. Кази-Магома считается отличнымъ наѣздникомъ, храбрымъ и распорядительнымъ воинемъ. Онъ женатъ на *Кариматъ*, дочери бывшаго Элисуйска-

(*) «Поѣздка въ горы». См. газета «Кавказъ» 1858 г. № 71.

(**) Въ 1847 г.. въ общемъ народномъ собраніи въ Ольтрахъ (въ Большой Чечнѣ) второй сынъ Шамиля былъ избранъ наслѣдникомъ власти отца. Но судя по ходу дѣлъ на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи, едва ли придется ему наслѣдовать упадающей власти отца и играть такую же роль, которую выполнялъ его умный отецъ болѣе 20 лѣтъ.

го султана и генералъ-маіора русской службы, въ настоящее время одного изъ приближенныхъ Шамиля, Даниель-султана.

Третій сынъ Шамиля, *Махматъ-Шаби*, ловкій и красивый молодой человѣкъ, имѣющій въ настоящее время около 19 лѣтъ; но онъ еще не пользуется никакимъ особеннымъ значеніемъ.

Семейство Шамиля, за исключеніемъ Кази-Магомы, до сихъ поръ жило въ Ведени съ большою простотою. Члены его женскаго пола сами занимались домашнимъ хозяйствомъ и вообще по образу жизни нисколько не отличались отъ простыхъ горняковъ (*).

Этимъ и закончимъ очеркъ личности Шамиля, его семейства и системы его управления. Теперь перейдемъ къ описанію Чечни и Чеченцевъ, многочисленнаго горскаго племени, признавшаго въ настоящее время подданство Россіи и вступившаго въ великую семью русскую.

Обширная страна, лежащая между р. Терекомъ (на сѣверѣ) и сѣверными отрогами Андійскаго хребта, и ограниченная на востокъ Кумыкскимъ владѣніемъ и истоками р. Акташъ (граничащая съ Салатау), а на западѣ истоками рѣкъ Терека и Сунжи,—населена чеченскимъ племенемъ. Западная часть этого пространства, котловина верховьевъ р. Ассы и Фортанги, составляетъ такъ называемый Чеченскій округъ; пространство между рѣками Фортангою и Аргуномъ — называется Малою Чечнею; остальная же часть, къ востоку отъ Аргуна—Большою Чечнею. Наконецъ, пространство, ограниченное съ сѣвера Терекомъ, съ юга Сунжею, а съ запада Кабардою, носитъ названіе Земли Надтеречныхъ и Сунженскихъ Чеченцевъ, хотя собственно это названіе, послѣ перехода обитателей на сторону Шамиля, отчасти потеряло свой смыслъ.

Пространство, ограниченное съ сѣвера р. Сунжею, а съ юга Андійскихъ хребтомъ, въ главныхъ частяхъ представляетъ два рѣзкіе характера: горную часть и плоскость.

Андійскій хребетъ, отходя отъ главнаго Кавказскаго хребта у горы Барбало, пускаетъ на сѣверъ длинные отроги горъ, обра-

(*) См. «Плѣвъ у Шамиля» и пр. (1854—55 годъ).

зующіе уступы и вѣтви, наполняющія большую часть Большой Чечни; вся же остальная, западная часть Чечни, наполнена отрогами главнаго Кавказскаго хребта. Параллельно обоимъ хребтамъ, съ сѣверной стороны тянется второстепенный кряжъ, образующій какъ бы предгоріе или уступы главныхъ хребтовъ; онъ весьма рѣзко обозначается крутымъ и почти обрывистымъ скатомъ къ сторонѣ главныхъ хребтовъ, къ сѣверу же пускаетъ длинныя, болѣе доступныя отроги, изрѣзанные глубокими оврагами. Этотъ второстепенный кряжъ, образующій вмѣстѣ съ главными глубокія и возвышенныя котловины, далеко уступаетъ своею высотой главнымъ хребтамъ, и почти на всѣмъ протяженіи покрытъ сплошными и густыми лѣсами, почему и носитъ названіе, въ противоположность снѣговымъ вершинамъ главныхъ хребтовъ, — Черныхъ горъ. Черныя горы, соединяясь съ снѣговыми хребтами посредствомъ крутыхъ отроговъ, образуютъ обширныя и возвышенныя котловины, служащія какъ бы бассейнами истоковъ главнѣйшихъ рѣкъ, которыя, принявъ въ себя множество горныхъ рѣчекъ и источниковъ, съ страшнымъ стремленіемъ прорываются чрезъ горы, образуя огромныя ущелья, и быстро несутъ свои воды, протекая въ глубокихъ и узкихъ долинахъ, по направленію къ плоскости. Подобными узкими, крутыми и обрывистыми долинами и оврагами изрѣзаны всѣ скаты Черныхъ горъ, почему большая часть сообщеній проложена вдоль по теченію рѣкъ; поперечное же сообщеніе встрѣчаетъ почти непреодолимыя препятствія и требуетъ неимоверныхъ усилій и трудовъ для проложенія путей. Всѣ перевалы чрезъ крутыя вѣтви и хребты представляются въ видѣ горныхъ тропинокъ, едва удобныхъ для пѣшеходовъ, да и то нужно имѣть весьма много навыка, чтобы не оборваться въ пропасти и овраги, встрѣчающіеся на каждомъ шагу. Можно себѣ представить чрезвычайную пересѣченность мѣстности, соединивъ вмѣстѣ непрерывныя развѣтвленія горныхъ отроговъ и отпрысковъ, изрѣзанныхъ многочисленными оврагами, на днѣ которыхъ бушуютъ стремительныя рѣки и непроходимыя, первобытныя лѣса вѣковыхъ деревьевъ. Не даромъ Шамиль гордился (*) состояніемъ своихъ путей, и выразился относительно непроходимости, какъ о главнѣйшемъ обстоятельствѣ, содѣйствующемъ возможности отстаивать свою самостоятельность отъ владычества Русскихъ. Дѣйстви-

(*) См. «Плѣнь у Шамиля» и проч. свѣдѣнія г. Грамова.

тельно, трудности и препятствія, которыя встрѣчаютъ русскія войска при движеніяхъ въ горы, превосходятъ всякое вѣроятіе. Безпрерывные спуски и подъемы, ущелья, почти непроходимыя лѣса, замедляютъ на каждомъ шагу движенія отрядовъ, встрѣчающихъ всюду завалы и сильныя позиціи, удобныя для сопротивленія горцевъ. Необходимость разрабатывать шагъ за шагомъ дороги, прорубать широкія просѣки (до 900 сажень ширины), устраивать спуски и подъемы,—все это сопряжено съ такими пожертвованіями и трудами, что нельзя не воздать чести храбрымъ и неутомимымъ кавказскимъ войскамъ, дѣйствующимъ съ блестящимъ успѣхомъ при подобныхъ обстоятельствахъ.

На протяженіи между верховьями р. Сунжи до р. Хулхулау, вѣтви Черныхъ горъ рѣзкимъ уступомъ оканчиваются на сѣверѣ, ограничивая съ юга обширную чеченскую плоскость. Только въ западной оконечности, между верховьями рѣкъ Сунжи и Ассы, длинная вѣтвь горъ, извѣстная подъ названіемъ хребта Матхалды, достигаетъ береговъ р. Сунжи, которая здѣсь поворачиваетъ на востокъ; оконечность этого хребта называется Пюшты-яцандукъ и упирается въ Сунжу противъ Назрановскаго укрѣпленія. На пространствѣ же отъ рѣки Хулхулау до р. Сулака (впадающаго въ Каспійское море) отдѣляются длинныя вѣтви, изъ коихъ замѣчательнѣйшая, извѣстная подъ названіемъ Качкальковскаго хребта, служитъ отчасти границею между Чечнею и Кумыкскимъ владѣніемъ. Такимъ образомъ, вѣтви Черныхъ горъ, представляя своими подошвами вогнутую линію, ограничиваютъ съ юго-запада, юга и востока Чеченскую плоскость, ограниченную съ сѣвера-запада и сѣвера р. Сунжею. Плоскость эта, при общемъ взглядѣ, представляетъ равнину, покрытую вѣковыми лѣсами, которые простираются до береговъ р. Сунжи. Но эти обширные лѣса прерываются обширными прогалинами, поперечными и продольными; такъ, вдоль подножія горныхъ отроговъ тянется широкая, обнаженная отъ лѣсовъ полоса, на которой прежде была сосредоточена значительная часть Чеченскаго населенія, въ послѣдствіи переселившагося въ горы. Кромѣ того, въ настоящее время, лѣса, покрывавшіе плоскость и горныя вѣтви, изрѣзаны широкими просѣками, устроенными русскими войсками, для удобнаго и болѣе безопаснаго движенія и доступа въ нѣдра страны.

Наконецъ, пространство, извѣстное подъ названіемъ земли Надтеречныхъ и Сунженскихъ Чеченцевъ, представляетъ откры-

тую, безводную и безлѣсную страну, перерѣзанную параллельно теченію рѣкъ Сунжи и Терека доступными хребтами горъ.

Въ отношеніи гидрографическомъ, Малая и Большая Чечня составляютъ какъ бы бассейнъ р. Сунжи, и только восточная часть этого пространства, извѣстная подъ названіе Ичкеріи и Ауха, орошается рѣками, непринадлежащими къ системѣ Сунжи. Вообще Чечня принадлежитъ къ числу странъ, богато орошенныхъ водами и изрѣзана множествомъ рѣкъ и рѣчекъ, отличающихся хорошею и здоровою водою. Большая часть рѣкъ впадаетъ прямо въ р. Сунжу, и за исключеніемъ весьма немногихъ, имѣетъ главное направленіе своего теченія съ юга на сѣверъ.

Рѣка Сунжа, главный притокъ Терека (съ правой стороны), вытекаетъ изъ подножія Черныхъ горъ, двумя истоками, подъ названіемъ Большой и Малой Сунжи. Отъ выхода изъ горъ до Назрановскаго укрѣпленія, Сунжа течетъ прямо на сѣверъ; далѣе, обогнувъ подошву хребта Пюшты-яцанъ-дукъ, образующую высокій и обрывистый берегъ рѣки, Сунжа поворачиваетъ на востокъ и протекаетъ по долинѣ отчасти открытой, частію же лѣсистой, и достигнувъ кр. Грозной, измѣняетъ свое теченіе на сѣверо-востокъ, и въ этомъ направленіи впадаетъ въ р. Терекъ, ниже Щедринской станицы. Лѣвый берегъ Сунжи возвышенный и постоянно командуетъ правымъ, низменнымъ и ежегодно затопляемымъ разливомъ притоковъ рѣки. Рѣка Сунжа течетъ въ руслѣ съ возвышенными берегами, и имѣетъ ширину, ниже кр. Грозной, не болѣе 25 сажень, а выше — отъ 5—10 и до 15 сажень; глубина же ея въ обыкновенное время, выше укр. Заканъ-Юрта, отъ 3—5 футовъ, а ниже кр. Грозной—до 10 ф. Во время таянія снѣговъ и полноводія, Сунжа часто выступаетъ изъ береговъ.

Всѣ прочія рѣки, впадающія въ Сунжу, можно раздѣлить на два разряда: къ первому относятся тѣ, которыя берутъ свое начало въ главномъ хребтѣ, а ко второму принадлежатъ рѣки, берущія начало въ Черныхъ горахъ. Первые вырываются изъ возвышенныхъ котловинъ и прорвавшись чрезъ ущелья Черныхъ горъ, быстро стремятся по равнинѣ, образуя множество мелкихъ острововъ. Вслѣдствіе быстрого и бурнаго теченія, эти рѣки увлекаютъ камни, илъ и песокъ, которые, осаждааясь при устьѣ рѣкъ, возвышаютъ ихъ русла и чрезъ это способствуютъ ихъ разлитію и затопленію низменностей праваго берега р. Сунжи.

Въ обыкновенное время, глубина этихъ рѣкъ весьма незначительна; при таяннн же снѣговъ въ горахъ и послѣ продолжительныхъ дождей, онѣ мгновенно поднимаются, и тѣмъ прекращаютъ переправу въ бродъ. Къ этому разряду рѣкъ принадлежатъ: р. Асса, самый значительный притокъ Сунжи; Фортанга, впадающая въ Ассу; Гехи; Мартанъ (Урусъ-Мартанъ); Аргунъ, образующійся изъ рѣкъ Чанти-Аргуна и Шато-Аргуна (или Шаро-Аргунъ) и Хулхулау. Второй же разрядъ рѣкъ отличается болѣе медленнымъ теченіемъ и имѣетъ видъ широкихъ канавъ; рѣки эти, при своемъ впаденнн, не раздѣляются на рукава и не затопляють своихъ устій; устройство мостовъ чрезъ нихъ удобнѣе, но за то онѣ не имѣють бродовъ, которыми изобилуютъ первыя. Во время таяннн снѣговъ они не выступаютъ изъ береговъ; глубина ихъ незначительна. Къ числу этихъ рѣкъ относятся: Пфу-ту, Нетыхе, Шалажъ (притокъ Фортанги), Валерикъ, Рошня, (притокъ Мартана), Гойта, съ притокомъ Энгеликъ, Бассъ съ Джалкою, Гудермесъ, Мичикъ и проч.

Въ восточной части Большой Чечни, въ землѣ обществъ Ичкери и Аухъ, протекають рѣки: Аксай, Яман-су, Ярык-су и Акташъ, берущія начало въ Андійскомъ хребтѣ и въ верховьяхъ текущія въ тѣсныхъ ущельяхъ; при выходѣ же на Кумыкскую плоскость онѣ теряются въ болотахъ.

Богато орошенная водами, покрытая густымъ строевымъ лѣсомъ, обильно одаренная произведеніями природы, Чечня представляетъ страну весьма удобную для развитія народнаго благосостояннн. Мѣстныя условія вполне способствуютъ занятію хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и лѣсоводствомъ, что и находилось прежде, не смотря на дикость и неразвитіе жителей, въ довольно удовлетворительномъ положеннн; но переворотъ 1840 года имѣлъ рѣшительное вліянн на упадокъ мирной промышленности, даже жителей плодородной равнины. Чеченцы побросали свои жилища, пажити и настбища и переселились въ недоступныя горы, гдѣ хотя и нашли мѣста возможные для заселеннн, но мѣста эти далеко уже не отличались тѣми удобствами, которыми Чеченцы пользовались на брошенныхъ и разоренныхъ пепелищахъ. Между тѣмъ, непрерывныя военныя дѣйствія, частыя вторженія русскихъ войскъ для наказанія непокойныхъ сосѣдей, сопровождавшіяся разореніями ауловъ, истребленіемъ засѣянныхъ полей, угономъ скота, наконецъ, притѣсненн и грабительства набовъ, значительные налоги, — все это отнюдь не-

могло содѣйствовать развитію народнаго богатства; Чеченцы впади въ страшную бѣдность и раззореніе. Но прежде, нежели скажемъ о положеніи Чеченцевъ, ихъ нравахъ и обычаяхъ, бросимъ краткій взглядъ на чеченское племя, его размѣщеніе и численность.

Изъ преданій, существующихъ между Чеченцами (*), извѣстно, что народъ этотъ вышелъ изъ глубины горъ и занялъ, лѣтъ 200 тому назадъ, плоскость Чеченскую, до того времени необитаемую и покрытую непроходимыми, дремучими лѣсами. Такъ какъ первое ихъ столкновеніе съ ближайшими сосѣдями Кумыками произошло на р. Мичикѣ, то они и получили названіе Мичикишъ или Мичиковцы. Когда же они распространились далѣе на западъ, то и Кабардинцы дали имъ то же названіе, заимствовавъ его отъ Кумыковъ. Между тѣмъ, южные сосѣди Чеченцевъ, Лезгины вовсе не знаютъ этого названія, и обыкновенно называютъ своихъ сосѣдей по имени отдѣльныхъ обществъ, на которыя они раздѣляются. Сами же Чеченцы называютъ себя Нахче, т. е. народомъ, и это названіе относится до всего населенія, говорящаго на чеченскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ. Названіе же, данное имъ Русскими, произошло весьма недавно, хотя и было извѣстно еще при Петрѣ Великомъ, и, какъ объясняютъ сами Чеченцы, происходитъ отъ аула *Большой Чечень*, находившагося на берегу р. Аргуна, у подошвы *Сюйри-корта Чачани*, одной изъ двухъ горъ, возвышающихся на плоскости и образующихъ, между крѣпостями Грозною и Воздвиженскою, такъ называемое Ханкальское ущелье. Въ настоящее время существуютъ только слѣды большаго аула, между тѣмъ названіе вкоренилось и сдѣлалось общепринятымъ для названія цѣлаго народа не только въ Россіи, но даже отчасти и между самими Чеченцами.

Воинственное чеченское племя занимаетъ значительную часть сѣверныхъ покатоствей Андійскаго хребта и распространилось на сѣверъ по равнинамъ до праваго берега Терека, а на западъ до верховьевъ р. Сунжи. Жители равнинъ Чечни, за исключеніемъ западныхъ, небольшихъ племенъ, говорятъ на томъ же языкѣ, на которомъ объясняются и горные Чеченцы, занимающіе ущелья Аргуна, Хулхулау, Мичика и прочихъ рѣкъ и притоковъ, орошающихъ равнины Большой Чечни. На этомъ же языкѣ говорятъ и Ичкеринцы, которые, по мнѣнію Чеченцевъ, со-

(*) См. газета «Кавказъ» 1855 г. № 70. Статья г. Бартоломея.

хранили самое чистое произношеніе, такъ, что Чеченцы считаютъ себя выходцами изъ Ичкеріи, которую называютъ Нахчехокъ, т. е. мѣсто народа.

Выселяясь изъ горныхъ ауловъ, Чеченцы образовали особыя общества, совершенно независимыя другъ отъ друга и принявшія большею частію наименованія родовыхъ своихъ ауловъ. Слѣдовательно, въ разнообразныхъ названіяхъ многочисленныхъ чеченскихъ обществъ, не слѣдуетъ искать какихъ либо племенныхъ различій, — это суть одни лишь родовыя и случайныя названія. Если же общества и отличаются какими либо характеристическими особенностями, и даже, въ нѣкоторой степени, видоизмѣненіями нарѣчій языка, то это происходитъ отъ разъединенности обществъ, въ которой они жили долгое время, а также отъ различныхъ мѣстныхъ вліяній, установившихся условій гражданскаго быта и политическихъ отношеній къ Россіи и Шамилю.

Къ чеченскому народу принадлежатъ слѣдующія племена (*), говоряція однимъ языкомъ и находившіяся до сихъ поръ въ различныхъ отношеніяхъ къ Россіи, сообразно съ ходомъ военныхъ событій и успѣховъ русскаго оружія въ сѣверныхъ отрогахъ Кавказскаго и Андійскаго хребтовъ, но въ настоящее время, вмѣстѣ съ сверженіемъ власти Шамиля, почти всѣ принявшія подданство Россіи и вступившія въ составъ русскихъ владѣній на Кавказѣ:

1) *Назрановцы (Назр-хой)*, обитающіе верховья рѣки Сунжи и Камбилѣвки (притокъ Терека). Число жителей этого племени считается до 9,500 душъ; всѣ они покорны, хотя и случались еще въ недавнее время волненія, вслѣдствіе возбужденій Шамиля и неукротимыхъ абрековъ. Назрановцы имѣютъ русскаго пристава. Они говорятъ нарѣчіемъ, нѣсколько отличающимся отъ чеченскаго языка.

2) *Галашевцы (Галаши)*, обитающіе въ верховьяхъ рѣки Ассы; число ихъ простирается до 800 душъ.

3) *Карабулахи* живутъ по обѣимъ сторонамъ р. Ассы и Сунжи; число ихъ простирается до 2,000 душъ.

4) *Галай (Гал-хой)* живутъ близъ верховьевъ рѣки Ассы, въ числѣ слишкомъ 1,500 душъ.

(*) См. «Краткій обзоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ», г. Берже. «Кавказскій Календарь на 1858 годъ».

5) *Цори* населяютъ верховья восточнаго притока р. Ассы, въ числѣ 150 человекъ.

6) *Кисты* (ближніе) или *Кистинцы* живутъ въ ущельяхъ р. Макадона, притока Терека, въ числѣ около 1,300 душъ.

7) *Джерахи* обитаютъ по обѣимъ берегамъ р. Макадона, въ числѣ слишкомъ 300 душъ.

Всѣ вышепомянутыя племена, въ тѣсномъ смыслѣ, не входятъ въ составъ Чечни, хотя и принадлежатъ къ чеченскому народу, и обитаютъ пространство къ западу Малой Чечни.

8) *Кисты* (дальніе) обитаютъ скалистыя ущелья верховьевъ р. Аргуна, въ числѣ около 18,000 душъ. Это многочисленное племя, частію признавало власть Россіи, но въ послѣдствіи времени отложилось, и только въ настоящее время принадлежащія къ нему общества признали власть Россіи (*Митхи, Маисты, Хелдырой* и пр.)

9) *Азо* (*Акинцы*) обитающіе верховья рѣки Гехи, въ числѣ 350 душъ, признали только въ настоящее время власть Россіи.

10) *Пшехой* (*Шопоти*) живутъ близъ истоковъ р. Мартона, къ востоку отъ Акинцевъ, въ числѣ 4,000 душъ.

11) *Шубуты* (*Шубузы*) или *Шатой* обитаютъ въ долинѣ верхняго теченія Аргуна, въ числѣ около 15,000 душъ. Племя это въ 1858 году признало власть Россіи (*Шатовевцы, Чантійцы, Дзужсой* и друг. общества).

12) *Шаро* и *Кіалалъ* въ числѣ 7,000 душъ обитаютъ верховья р. Шато-Аргуна (Шаро-Аргуна), близъ сѣвѣжныхъ вершинъ Андійскаго хребта; въ настоящее время признали власть Россіи.

13) *Джанъ-Бутри*, въ числѣ 900 душъ, живутъ по Аргуну.

14) *Чарбили* (*Чарбилой* или *Чаберлой*, или *Татбутри*, въ числѣ около 6,000 душъ, живутъ близъ верховьевъ Аргуна.

15) *Ичкеринцы* (*Ичкери*) обитаютъ верховья рѣкъ Хулхулау и Аксая; воинственное племя, простирающееся до 15,000 душъ, живущее въ трудно доступныхъ горахъ, покрытыхъ едва проходимыми лѣсами, и наиболѣе сохранившее Чеченскую національность. Хищное и воинственное племя Ичкеринцевъ никогда не признавало власти Россіи, за исключеніемъ лишь временнаго изъявленія покорности, вслѣдствія предпринимаемыхъ противъ него экспедицій; такъ, въ 1832 г. генералъ Розень, а въ 1839 году генералъ Граббе, силою оружія принудили Ичкеринцевъ изъявить покорность Россіи, но Ичкеринцы при первомъ же случаѣ вскорѣ отложились. Шамиль въ 1840 году, послѣ всеобща-

го возстанія Чечни, переселился въ Ичкерію, избравъ тамъ мѣстопробываніемъ своимъ аулъ Дарго, по раззореніи котораго въ 1845 году, въ Даргинскую экспедицію, переселился въ Ведень, взятый въ настоящемъ году русскими войсками, послѣ чего Ичкеринцы признали власть Россіи.

16) *Качкальки*, обитающіе въ числѣ 3,250 душъ сѣверные склоны Качкальковскаго хребта; они были покорны Россіи до 1840 года и управлялись кумыкскимъ приставомъ; но въ этомъ году отложились.

17) *Мичиковцы* обитаютъ въ числѣ около 1,600 душъ долину рѣки Мичика; по ихъ имени все Чеченское населеніе было названо Кумыками и Кабардинцами *Мичикишъ* или *Мизджеш*.

18) *Ауховцы*, обитатели верховьевъ рѣкъ Акташа и Ярык-су, числомъ около 4,400 душъ. Они были также покорны Россіи и управлялись приставомъ, но въ 1840 году отложились; въ слѣдующемъ году, часть ихъ снова признала власть Россіи и была переселена въ окрестности кр. Внезапной.

19) *Чеченцы Терекскіе* живутъ по правому берегу р. Терека; они были выходцами изъ горъ и селились по берегу рѣки, признавали власть Россіи и постепенно привыкали къ осѣдлости. Но въ 1840 году большая часть ихъ была увлечена Шамилемъ въ горы. Ихъ считается около 5,700 душъ.

20) *Чеченцы Сунженскіе* обитали Чеченскую плоскость, на пространствѣ отъ р. Ассы до Гудермеса. Они признавали власть Россіи, но въ 1840 году были переселены Шамилемъ въ горы. Въ послѣдствіи времени, часть ихъ снова возвратилась на плоскость и была поселена подъ прикрытіемъ русскихъ укрѣпленій. Ихъ считается до 19,200 душъ.

21) *Чеченцы Брагунскіе*, живущіе при устьѣ р. Сунжи, въ числѣ около 1,300 душъ; они были постоянно вѣрны Россіи и занимаются мирною промышленностію.

По вышеприведенному перечисленію племенъ, принадлежащихъ къ чеченской національности, общее число ихъ простирается приблизительно до 120,000 душъ. Настоящія событія на лѣвомъ крылѣ Кавказской линіи, покрывшія новою славою оружіе кавказскихъ воиновъ, значительно измѣнили порядокъ дѣлъ. Почти всѣ безъ исключенія чеченскія племена и общества признали власть Россіи, свергнувъ съ себя иго мюридизма, 18 лѣтъ поддерживаемое Шамилемъ. Увлеченное въ горы населеніе, сознавая всю тяжесть своего положенія, охотно переселяется на

плоскость, и водворяется на плодородныхъ земляхъ, орошенныхъ низовьями притоковъ р. Сунжи, къ западу отъ Аргуна. Чтобы судить объ успѣхахъ постепеннаго переселенія Чеченцевъ изъ горъ на плоскость, достаточно сказать, что въ 1856 году, на пространствѣ, образующемъ треугольникъ между р. Сунжею, Аргуномъ (вверхъ до кр. Воздвиженской) и подошвами горъ, было поселено *одиннадцать ауловъ*, въ числѣ 776 дворовъ. Къ 1-му же январю 1859 года было уже *шестнадцать ауловъ*, а число дворовъ простиралось до 6,685. Событія же настоящаго года еще болѣе усилили переселеніе Чеченцевъ, такъ, что по имѣющимся свѣдѣніямъ, число переселенныхъ дворовъ простирается слишкомъ до 8,000.

Чеченцы народъ демократическій; они не имѣютъ ни князей, ни дворянъ, и всѣ считаются узденями, т. е. свободными людьми. А потому они весьма горды и тщеславятся своею независимостью, наивно считая себя свободнымъ народомъ. Въ отношеніи наружности, Чеченцы болѣею частію сухощавы, блѣднолицы, съ быстрымъ и умнымъ взглядомъ, отличаются рѣзкими чертами лица и орлинымъ носомъ; они одарены гибкимъ станомъ, весьма быстры и живы въ движеніяхъ, притомъ весьма ловки и сильны. Въ нравственномъ отношеніи, они стоятъ на низкой степени развитія; весьма склонны къ хищничеству и грабежу, а удачное и сопряженное съ опасностію воровство, считается у нихъ даже удальствомъ и заслуживаетъ уваженія. Впрочемъ, въ характерѣ ихъ замѣтна большая осторожность и предусмотрительность, а въ обращеніи съ другими смѣсь предупредительности и вѣжливости съ гордостію. Какъ всѣ дикіе народы, Чеченцы отличаются вспыльчивымъ и неукротимымъ нравомъ и весьма склонны къ мстительности. Въ случаѣ минутныхъ увлеченій, во время какихъ либо споровъ или ссоръ, они тотчасъ же бросаются другъ на друга съ оружіемъ, а это неизбѣжно влечетъ за собою кровопролитія и убійства, вызывающія безконечную родовую вражду и мщеніе. Вслѣдствіе этого Шамиль всѣми мѣрами старался прекратить обычай кровомщенія, удары котораго весьма часто падали на лицъ невинныхъ. Согласно шарріату, родственники убитаго не имѣютъ права сами лишать жизни убійцу, а схвативъ его, должны были представить набу, который, по изслѣдованіи дѣла, на основаніи рѣшенія Шамиля, долженъ былъ или помирить противныя стороны, или казнить убійцу. Обыкновенно мировыя сдѣлки оканчивались какимъ либо

вознагражденіемъ, послѣ чего родственники убитаго уже не имѣли права на кровомщеніе.

Здѣсь будетъ кстати упомянуть вообще о понятіяхъ Чеченцевъ относительно преступленій, понятій весьма своеобразныхъ и соответствующихъ степени нравственнаго развитія народа. Хотя Шамиль отчасти и старался ввести положительныя правила, какъ бы законы, основавъ ихъ на статьяхъ шарріата, но сила народныхъ обычаевъ (адата) осталась, по прежнему, господствующею во взглядахъ Чеченцевъ. Такъ, по понятіямъ Чеченцевъ, да и вообще большей части Кавказскихъ горцевъ, преступленіями считаются только слѣдующія дѣйствія: измѣна народу, которая, въ глазахъ каждаго горца, есть высшее преступленіе, достойное казни; весьма естественно, что преступленіе это и въ кодексѣ Шамиля занимало одно изъ первыхъ мѣстъ, который въ особенности преслѣдовалъ, по малѣйшему подозрѣнію, все, что носило на себѣ признакъ измѣны, и въ этомъ случаѣ весьма часто примѣшивалъ свои личные интересы. Отцеубійство, кровосмѣшеніе и нарушеніе супружеской вѣрности женщинами, тоже считаются важными преступленіями. Въ отношеніи послѣдняго, у Чеченцевъ существуетъ страшное наказаніе, затапываніе лошадами или побіеніе камнями несчастной жертвы обольщенія; впрочемъ, отъ мужа зависитъ простить преступную жену или прогнать ее, не предавъ строгости народнаго суда. Впрочемъ, и обольститель не остается безъ наказанія; обольстившій замужнюю женщину почти всегда подвергается смерти, если же жертвою была дѣвушка, то брачный союзъ можетъ загладить преступленіе, въ противномъ случаѣ обольстителя ожидаетъ смерть. Трусость у Чеченцевъ наказывается всеобщимъ презрѣніемъ, а нерѣдко даже влечетъ за собою болѣе дѣйствительныя наказанія. За малѣйшій признакъ трусости, Шамиль установилъ въ своихъ войскахъ позорное наказаніе: на одинъ изъ рукавовъ платья струсившаго воина нашивается кусокъ войлока, который онъ долженъ носить впредь до отличія, единственнаго средства смыть съ себя это позорное пятно. Здѣсь кстати сказать, что вообще Чеченцы отличаются смѣлостью и даже дерзостью нападеній въ бою, но весьма не стойки, въ случаѣ рѣшительнаго отпора. Нарушеніе правилъ гостепріимства также считается за постоянное преступленіе, но въ этомъ отношеніи, вліяніе Шамиля значительно повывело обычай горцевъ скрывать у себя преступниковъ, прибѣгающихъ подъ чье либо покровительство. Что же

касается воровства, то въ этомъ отношеніи понятія Чеченцевъ весьма странны. Такъ, напримѣръ, воровство у своей семьи и у ближайшихъ своихъ сосѣдей считается преступленіемъ, всѣ же другіе случаи воровства, въ особенности сопряженные съ удалствомъ, напротивъ, считаются военнымъ подвигомъ. Впрочемъ, Шамиль и здѣсь старался вывести подобные подвиги, совершаемые съ вредомъ для своихъ же согражданъ, и установилъ, что кромѣ партій, отправляющихся на русскую линію, никто не имѣлъ права, безъ предварительнаго извѣщенія, выѣзжать ночью изъ аула. Въ случаѣ же воровства, тотчасъ наводились справки у родныхъ и сосѣдей, кого не было ночью дома. Вслѣдъ за этимъ, отлучавшагося подвергали допросамъ, и если его показанія и оправданія подтверждались свидѣтелями, то онъ оставался правъ; въ противномъ же случаѣ долженъ былъ выплачивать своимъ имуществомъ стоимость пропажи. Смотри по важности преступления, взысканіе производилось въ болѣе или менѣе обширныхъ размѣрахъ (*).

Вообще же, всѣ прочія преступленія, относящіяся до нарушенія чести, личной неприкосновенности, безопасности и свободы каждаго, правъ собственности и общественнаго спокойствія, въ томъ числѣ и убійства, не подходятъ у нихъ подъ понятія о преступленіяхъ. Человѣкъ, причинившій другому, равному себѣ, какой либо вредъ, можетъ подвергнуться возмездію отъ силы оружія противника; онъ считаетъ себя вправѣ, не подвергаясь обвиненію въ незаконности, поддерживать свое насиліе оружіемъ, если не будетъ вынужденъ, или самъ не предпочтетъ для собственнаго спокойствія, примириться съ противникомъ. Эти понятія и преобладаніе физической силы надъ закономъ, происходятъ отъ кореннаго общественнаго устройства вообще горскихъ племенъ, которое основано на фамилныхъ союзахъ и всеобщемъ употребленіи оружія. Всѣ лица, принадлежащія къ одной фамиліи, обязаны, по народнымъ обычаямъ, оказывать между собою взаимную защиту, мстить оружіемъ за смерть, оскорбленіе чести, нарушеніе права личной собственности и неприкосновенности, и отвѣтствовать предъ членами другихъ фамилій за поведеніе каждаго лица своей фамиліи. Вотъ почему, несмотря на старанія Шамиля, насиліе и произволь каждаго замѣнить судомъ административныхъ лицъ, хотя собственно и здѣсь было немного по-

(*) «Нѣчто о Чечнѣ» г. Клингера. Газета «Кавказъ», 1856 г., № 97.

рядка, вслѣдствіе злоупотребленія лицъ, облеченныхъ властію, Чеченцы далеко не усвоили себѣ понятіе о законномъ удовлетвореніи.

Семейный бытъ Чеченцевъ отличается чрезвычайною патриархальностію, но вмѣстѣ съ тѣмъ носитъ на себѣ отпечатокъ, общій мусульманскому характеру. Отецъ семейства есть глава семьи и воля его священна для всѣхъ членовъ. Чеченецъ, несмотря на доброе и снисходительное обращеніе съ своимъ семействомъ, держитъ себя весьма серьезно, и пользуясь своими правами главы семейства, большую часть домашнихъ работъ и заботъ возлагаетъ на жену, самъ же предается вполнѣ лѣни и бездѣйствію. Чеченцы рѣдко имѣютъ двухъ женъ, болѣею частію ограничиваясь одною. Они обыкновенно женятся на своихъ соплеменницахъ, причемъ преимущественно берутъ женъ изъ другихъ ауловъ. Для вступленія въ бракъ предварительно вносятся за невѣсту опредѣленный *калымъ* или выкупъ (*), и кромѣ того женихъ обязанъ сдѣлать своей невѣстѣ нѣкоторые подарки, состоящіе изъ принадлежностей женской одежды, а также приготовить все необходимое для пиршествъ, слѣдующихъ за брачною церемоніею. Брачному союзу предшествуетъ сговоръ, а самая церемонія брака производится въ саклѣ и заключается въ чтеніи муллою опредѣленныхъ молитвъ, слова которыхъ долженъ повторять вслухъ женихъ или заступающій его мѣсто свидѣтель, что случается нерѣдко. Молодую привозятъ въ закрытой арбѣ въ домъ жениха, который въ это время долженъ быть непремѣнно въ отсутствіи; свадебный поѣздъ сопровождаютъ мужчины верхами, при чемъ они джигитуютъ, а иногда же поютъ извѣстный припѣвъ мюридизма. При входѣ молодой въ саклю, ей подстилаютъ подъ ноги какой нибудь предметъ одежды; при этомъ ловкіе кавалеры нерѣдко сбрасываютъ съ себя черкески и бросаютъ ихъ подъ ноги красавицѣ, за что получаютъ въ подарокъ кошелькъ собственной работы молодой. Войдя въ саклю, новобрачная садится, не снимая съ себя покрывала, а собравшіеся гости начинаютъ пировать, при чемъ главную роль играетъ запрещенная Шамилемъ лезгинка, которую Чеченцы отплясываютъ съ большою охотою, подъ звуки мѣдныхъ тазовъ и ударовъ въ ладоши. Подобный пиръ продолжается до трехъ дней, смотря по средствамъ новобрачнаго, потому что онъ сопряженъ съ значительными издерж-

(*) *Калымъ* болѣею частію ограничивается двумя коровами или взносомъ денегъ отъ 20 до 30 руб. сер.

ками, въ теченіе которыхъ молодой, въ продолженіе дня, долженъ уходить изъ дома и обыкновенно бродить по лѣсамъ, или проводить время у своихъ знакомыхъ, ночью же посѣщаетъ свою молодую жену. Наконецъ, по истеченіи трехъ дней, молодая жена должна въ первый разъ идти съ кувшиномъ за водою, послѣ чего вступаетъ въ кругъ обязанностей хозяйки дома. Когда молодая идетъ за водою, то обыкновенно ее сопровождаетъ толпа знакомыхъ и родныхъ и въ то время, когда она, зачерпнувъ воды, ставитъ кувшинъ на голову, раздаются выстрѣлы, въ знакъ окончательнаго совершенія всѣхъ брачныхъ обрядовъ. Съ этой минуты молодая жена дѣлается самою неутомимою работницею своего мужа и, къ чести Чеченкамъ, ведетъ свое простое и незатѣливое хозяйство въ чрезвычайномъ порядкѣ. Въ особенности замѣчательна чистота и опрятность, которою отличаются чеченскія жилища и окружающіе ихъ дворы; они имѣютъ весьма много общаго съ жилищами Малороссіянъ.

Супружескія отношенія Чеченцевъ отличаются полнымъ согласіемъ, чему весьма способствуетъ съ одной стороны почти отсутствіе многоженства, съ другой, полная покорность жены, безропотно несущей свою незавидную участь. Чеченцы чрезвычайно ревнивы и зорко наблюдаютъ за поведеніемъ своихъ женъ; Чеченки же славятся чистотою нравовъ; измѣны весьма рѣдки и строго преслѣдуются. Вообще Чеченцы весьма цѣломудренны въ отношеніи женщинъ; взаимныя отношенія молодыхъ людей и дѣвушекъ носятъ на себѣ характеръ уваженія къ женской стыдливости. Чеченецъ никогда не позволитъ себѣ не только оскорбить какъ нибудь дѣвушку, но даже дотронуться до нея рукою, въ противномъ случаѣ его ожидаетъ всеобщее презрѣніе, а иногда и раздѣлка по серьезнѣе. У Чеченцевъ существуютъ разводы, основанные или на личномъ произволѣ супруговъ, или на извѣстныхъ законныхъ причинахъ. Если мужъ пожелаетъ разстаться съ женою безъ всякой законной причины, то долженъ уплатить ей стоимость внесеннаго имъ передъ свадьбою калыма; тоже самое жена, оставляя своего мужа безъ законныхъ доказательствъ и повода, должна возвратитъ внесенный за нее калымъ, и полученные подарки, въ случаѣ же законныхъ причинъ, какъ напр., физической слабости мужчины въ отправленіи супружескихъ обязанностей, что случается нерѣдко, супруги расходятся безъ всякаго вознагражденія съ обѣихъ сторонъ. Во время родовъ жены, мужъ уѣзжаетъ изъ дома, предоставляя

вѣ заботы о ней своимъ родственникамъ, и возвращается уже послѣ разрѣшенія жены отъ бремени, при чемъ долгое время не говоритъ съ нею; это въ особенности бываетъ продолжительно, если новорожденное дитя—дѣвочка, которыми вообще не слишкомъ радуются отцы; въ случаѣ же рожденія мальчика бываютъ пиршества.

Обращеніе Чеченцевъ съ дѣтьми отличается необычайною непринужденностью. Чеченскія дѣти пользуются совершенною свободою, ихъ никогда не наказываютъ, тѣмъ болѣе не бьютъ, чтобы не запугать съ дѣтства и не сдѣлать робкими, и вообще стараются въ нихъ развить твердость характера и смѣлость. Отцы, нерѣдко, замѣтивши въ мальчикахъ какія либо желанія или стремленія достигнуть чего нибудь, стараются подстрекать ихъ и дѣйствовать на самолюбіе; въ случаѣ успѣха хвалятъ, въ особенности если это было сопряжено съ трудностями, въ противномъ же случаѣ называютъ дрянью и дѣвчонкою, стараясь насмѣшками возбудить недостатокъ воли. По достиженіи извѣстныхъ лѣтъ, мальчики обучаются грамотѣ или дома, подъ надзоромъ муллы, или въ особо учрежденныхъ школахъ, которыя содержатся на общественный счетъ. Въ школахъ они учиваются чтенію корана, а иногда писать по арабски. Между тѣмъ, дѣвушки исключительно посвящаютъ себя домашнему хозяйству, полевымъ работамъ, а также и разнаго рода домашнимъ ремесламъ: шьютъ платье и бѣлье, ткуть сукна, тесьмы, валяютъ войлоки и пр.

Бытъ Чеченцевъ отличается необычайною незатѣливостію и простотою. Ихъ скромныя жилища, состоящія изъ бревенчатыхъ построекъ, и болшею частію даже изъ мазанокъ, благодаря врожденной опрятности Чеченокъ, отличаются чистотою и опрятностію. Одежда мужчинъ имѣетъ характеръ общій горскимъ народамъ; она весьма удобна и легка, и состоитъ изъ бешмета, черкески, узкихъ штановъ, поршней (обувь изъ сыромятной кожи) и папаха, представляющаго родъ конусообразнаго мѣшка изъ овчины, шерстью во внутрь, съ завороченными наверхъ краями, образующими *курпей* (мѣховой окольшъ). Женщины носятъ длинныя рубашки, съ длинными рукавами, весьма часто синяго цвѣта, шальвары, бешметъ, чевяки (родъ башмаковъ) и покрывала, и вообще отличаются чистотою и опрятностію. Пищу бѣдныхъ Чеченцевъ составляютъ просяныя, кукурузныя и изрѣдко пшеничныя лепешки (*чуреки*) съ соленою во-

дою и примѣсью молока (*берымъ*), а также сыръ. Болѣе же зажиточные люди ѣдятъ пшеничныя лепешки, кашу, яичницу, лапшу, вареную и сушеную баранину и говядину, мясной бульонъ (*чорпâ*), блины, которые обыкновенно употребляются на свадьбахъ и похоронахъ, вареную кукурузу, а также пьютъ калмыцкій чай; лѣтомъ водятся арбузы, дыни, яблоки, сливы, дикій виноградъ, изъ котораго выжимають для питья сокъ (*чапа*); кромѣ того, готовятъ, употребляемые на пиршествахъ, напитки: *бузу* и *максу* (сладкая буза), хотя это и запрещено шарриатомъ. Ёдятъ раза по два и по три въ день, но весьма умѣренно, при чемъ приличіе требуетъ непременно оставлять что нибудь на тарелкѣ (*).

Разнаго же рода пиршества, сопровождающія различныя семейныя событія, а также и праздники, отличаются большею роскошью.

Къ числу праздниковъ, относятся установленные магометанствомъ дни. Еженедѣльный праздникъ пятница (*перскинде*) начинается въ четвергъ, съ заката солнца, и обыкновенно сопровождается извѣстными молитвами и раздачею милостыни бѣднымъ, которыхъ въ Чечнѣ весьма много. Кромѣ того, разъ въ годъ, у Чеченцевъ исполняется *постъ* (*мархъ*), продолжающійся мѣсяцъ, въ июлѣ и въ августѣ, отъ начала до конца новолунія. Въ это время, отъ восхода до заката солнца, никто неупотребляетъ пищи, посвящая для этого ночь. Постъ оканчивается праздникомъ байрамъ, который сопровождается всеобщими пиршествами и отличается значительными пожертвованіями въ пользу бѣдныхъ, взаимными поздравленіями и посѣщеніями, скачками и разнаго рода народными увеселеніями. Впрочемъ, Шамиль весьма не жалуется увеселеній, и старался всѣ народныя пѣсни и пляски замѣнить однимъ постояннымъ напѣвомъ: «*ля-илляхи-иль-Алла!*» Но ему не совсѣмъ удалось это, и почти не проходитъ ни одного собранія Чеченцевъ, безъ бойкой лезгинки, при чемъ, въ знакъ высшаго одобренія, ловкимъ танцорамъ стрѣляютъ подъ ноги.

Вообще Чеченцы весьма общежительны и гостепріимны, хотя ихъ взаимныя отношенія сильно поколеблены стараніями Шамиля распространить систему взаимнаго наблюденія и доносовъ, вслѣдствіе чего явилось недовѣріе, скрытность и осторожность.

(*) «*Нѣчто о Чечнѣ*». Газета «Кавказъ». 1856 г. № 101.
Т. IX. Отд. II.

Чеченцы охотно помогаютъ другъ другу, весьма услужливы, приче́мъ въ отношеніяхъ ихъ замѣтна гордость и шепетильность. Напримѣръ, у Чеченцевъ весьма щекотливый́мъ считается что ни-будь попросить прямо; обыкновенно каждая просьба начинается издале́ка, намеками, какъ будто о предметахъ совершенно постороннихъ, а потомъ уже приступаютъ къ самому дѣлу; съ другой стороны, отказать въ просьбѣ́ считается вполнѣ неприлично и можетъ оскорбить просителя. Доказательствомъ врожденной деликатности Чеченцевъ, служить несуществованіе у нихъ ругательствъ и крѣпкихъ словъ. Самыя употребительная у нихъ брань, въ случаѣ гнѣва, какое нибудь пожеланіе, «*чтобъ тебя Русскіе голову сняли!*» «*Чтобъ тебя пушкой убило!*» и только въ рѣдкихъ случаяхъ, и какъ высшее оскорбленіе, произносится, можетъ быть даже заимствованное у своихъ сосѣдей: «*джалий корне*» (собачій сынъ).

Что же касается гостепрѣимства Чеченцевъ, то здѣсь, несмотря на дикость нравовъ, они являются утонченно вѣжливыми хозяевами. Прѣзжаго гостя встрѣчаетъ хозяинъ, и принявъ отъ него лошадь и оружіе, вводитъ его къ себѣ въ саклю, старается угостить лучшимъ, а при отъѣздѣ, въ знакъ вѣжливости, держитъ подъ уздцы лошадь и поддерживаетъ стремя. Кроме того, гость есть для Чеченца неприкосновенная личность, онъ отвѣчаетъ за его спокойствіе и безопасность, и въ случаѣ нападенія обязанъ защищать его.

Во время полевыхъ работъ, какъ напр., запашки полей, сѣнокосовъ и осеннихъ работъ, которыя исполняютъ мужчины, Чеченцы охотно и взаимно помогаютъ другъ другу. При этомъ устраивается родъ русской *помочи*, сопровождающейся плясками и угощеніями, которыя долженъ приготовить хозяинъ поля для своихъ помощниковъ и гостей. Въ остальное же время Чеченцы предаются совершенному бездѣлю, возлагая всѣ работы на женъ своихъ; Чеченки заботятся о чистотѣ́ дома, шьютъ платье, кормятъ семью, ухаживаютъ за домашнимъ скотомъ, рубятъ дрова, ходятъ за водой, обрабатываютъ огороды, молотятъ и мелятъ на ручныхъ мельницахъ хлѣбъ и пр. и вообще отличаются неутомимою дѣятельностію.

Вслѣдствіе лѣности и неразвитія Чеченцевъ, не говоря уже о неблагоприятныхъ обстоятельствахъ мѣстныхъ, напр., въ горахъ,—земледѣліе у нихъ находится въ весьма жалкомъ состояніи. Обыкновенно Чеченцы сѣютъ небольшое количество куку-

рузы, пшеницы, проса и пр., едва достаточное для годичнаго продовольствія семьи, и дѣлаютъ весьма небольшіе запасы сѣна. Огороды и сады ихъ весьма невелики; они сажаютъ огурцы, лукъ, чеснокъ, тыквы, изрѣдка арбузы и дыни; фруктовыхъ деревьевъ немного; виноградъ растетъ въ дикомъ состояніи. Домашній скотъ: лошади, коровы и бараны, довольно плохихъ породъ; домашняя птица однѣ только куры. Кромѣ того, Чеченцы занимаются немного пчеловодствомъ и разведеніемъ въ небольшомъ количествѣ шелковичныхъ червей, что исключительно лежитъ на женщинахъ. Промышленная дѣятельность Чеченцевъ ограничивается выдѣлкою довольно плохаго сукна и холста, чѣмъ также занимаются женщины, приготовленіемъ сыромятныхъ кожъ, овчинъ, войлоковъ, бурокъ и пр. Всѣ же прочіе предметы потребностей, какъ напр., мѣдную и глиняную посуду, порохъ, оружіе и проч. они пріобрѣтаютъ большею частію отъ Тавлинцевъ, вымѣнивая ихъ на свои произведенія, или покупая на деньги.

Употребительныя мѣры Чеченцевъ, для сыпучихъ веществъ, высшая равняется нашимъ 8 гарнцамъ, и содержатъ въ себѣ пять сага или чашекъ; двѣ такія мѣры называются *мозоль*. Для опредѣленія вѣса, они употребляютъ при посредствѣ безмѣна пудъ (пунтъ) и фунтъ (герке). Названія денегъ: *тюмень* 10 руб. сер., *сомъ* — 1 р. сер., *эпизъ* — 20 к. сер., *шаги* — 5 к. сер. Приблизительныя цѣны продуктовъ: одна сага соли стоитъ 20 к. сер., то же стоитъ 12 сага кукурузы, или 6 сага пшеницы; фунтъ сыру 5 к., масла — 10 к., и проч. (*). Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что Чеченцы предпочитаютъ всему серебряныя деньги, въ особенности новую блестящую мелочь; что же касается золота, то вслѣдствіе его рѣдкости, оно не имѣетъ особенной цѣны въ глазахъ дикарей.

Нѣтъ сомнѣнія, что вмѣстѣ съ водвореніемъ Чеченцевъ, принявшихъ власть Россіи, на болѣе выгодныхъ земляхъ, и обезпеченіемъ ихъ спокойствія, положеніе ихъ значительно улучшится, а мирная промышленность, получивъ большее развитіе, замѣнитъ страсть къ бродяжничеству, грабежамъ и беспорядкамъ.

Въ заключеніе скажемъ, что не смотря на наши, можетъ быть, рѣзкія осужденія образа дѣйствій Шамиля, нельзя не отдать дань справедливости умному имаму, который, возстановивъ

(*) «Нѣчто о Чечнѣ». Газета «Кавказъ» 1856 г. № 101

Чеченцевъ противъ Россіи, хотя и много надѣлалъ вреда этому народу, но взамѣнъ того, по всей вѣроятности, успѣлъ хоть нѣсколько внушить дикому и привыкшему въ продолженіе вѣковъ населенію къ необузданной свободѣ и своеволію, нѣкоторыя понятія о гражданскомъ бытѣ, введя въ странѣ родъ административнаго устройства и подчинивъ ее установленнымъ законамъ, основаннымъ на шаріатѣ. Будемъ надѣяться, что предположенное въ настоящее время русскимъ правительствомъ устройство, на разумныхъ и согласныхъ съ мѣстными потребностями и народнымъ характеромъ началахъ, окружныхъ управленій покорными горцами, благодѣтельно отзовется на ихъ благосостояніе и развитіе, и что постепенный переходъ отъ настоящаго ихъ общественнаго положенія къ болѣе совершенному порядку и устройству, со временемъ возведетъ дикихъ обитателей Кавказскихъ горъ на степень цивилизованныхъ народовъ. Пожелаемъ этого искренно, во имя челоуѣчества и пользы государственныхъ.

* * *

Маіі, 1859 года.